

МЕЛАНИ КАНТОР

СМЕРТЬ
и прочее
ХЭППИ-ЭНДЫ

Любовь и другие хэппи-энды

Мелани Кантор

Смерть и прочие хэппи-энды

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Кантор М.

Смерть и прочие хэппи-энды / М. Кантор — «Издательство АСТ», 2019 — (Любовь и другие хэппи-энды)

ISBN 978-5-17-116637-3

Дженнифер Коул думает, что жить ей, скорее всего, осталось не больше трех месяцев. Ведь так сказал ее семейный доктор, а он никогда не ошибается. Всего 90 коротких дней на то, чтобы попрощаться с миром и близкими, привести в порядок дела, попытаться подвести итоги. Сказать то, о чем молчала раньше... В попытке наконец высказаться Дженнифер пишет три письма. Три послания людям, которые сделали ей больно: самоуверенной эгоистичной сестре, слабохарактерному, неверному бывшему мужу и очаровательному, но легкомысленному мужчине, которого Дженнифер когда-то очень любила. Поначалу она чувствует облегчение. Но – вот сюрприз! – оказывается, раз начав говорить правду, трудно остановиться. А правда имеет свойство приводить иногда к весьма необычным последствиям...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-116637-3

© Кантор М., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Часть 1	6
Как всё начиналось	6
Отсчет пошел: 90 дней	9
День 87-й	12
День 80-й	23
День 77-й	26
День 75-й	39
День 73-й	42
День 71-й	44
День 70-й	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Мелани Кантор

Смерть и прочие хэппи-ЭНДЫ

*Посвящаю моим маме и папе,
Дорин и Эдди, приглядывающим за мной с облаков,
и моим сыновьям,
Александр и Джозефу, счастливым продолжениям меня.*

Кто-то скажет нам, что с момента нашего рождения мы начинаем двигаться к смерти. Поэтому мы должны жить в полную силу каждую минуту каждого дня. Сделайте же это – так я скажу. Что бы вы ни хотели, сделайте это сейчас! А иначе останется слишком много на «завтра».

(Слова, приписываемые папе Павлу VI)

Melanie Cantor
DEATH AND OTHER HAPPY ENDINGS

© Melanie Cantor, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Часть 1

Как всё начиналось

В мире есть люди, с которыми случаются разные штуки. Я не из их числа. Я веду размеренную жизнь, делаю обыкновенные вещи. Не сказать, что моя жизнь скучна, но это и не жизнь, полная историй из разряда «вы-не-поверите-что-со-мной произошло!». По крайней мере, так было до сих пор. До того, как все случилось. А это реально случилось...

– Вы сейчас с кем-нибудь встречаетесь, Дженнифер?

Я виновато улыбаюсь:

– Нет, я все еще одинока. – Я ерзаю в кресле. Ненавижу подобные вопросы. – Я иногда хожу на свидания, доктор Маккензи, но я не особо в ладах со всеми этими интернетными штучками, сайтами знакомств... – Бросив взгляд на его лицо, я неловко хихикаю: – Вы ведь не это имели в виду, да?

– Не это, – отвечает он, почесывая подбородок. – Здесь сегодня вы с кем-то?

Меня это слегка сбивает с толку. На секунду кажется, будто он собирается сообщить, что у меня ЗППП, что по крайней мере объяснило бы мой страх перед общественными туалетами.

– Зачем? – спрашиваю я. – А должна бы?

– Вам не помешала бы поддержка. Я просил секретаря передать вам это.

Кажется, секретарь говорила что-то такое. Я еще подумала, что у нее не все дома.

Доктор снимает очки со стальной оправой и потирает ладонями глаза.

– Мне очень жаль, Дженнифер. У меня плохие новости. У вас редкое заболевание крови.

У доктора мрачное лицо. Я никогда прежде не видала у него такого выражения.

В моих ушах стучит. Кажется, комната вокруг начала пульсировать.

Я пытаюсь сосредоточиться на лице доктора, на том, как он щиплет свою переносицу, испещренную венами кожу. Он искоса смотрит на меня, будто проверяя мою реакцию, а потом произносит какое-то непонятное название.

Я успеваю уловить только окончание – «...озис».

– Что это значит?

Вспоминается урок биологии, длинная и сложная лекция про тромбоциты и борьбу белых кровяных телец с красными тельцами. Я никогда не была особенно сильна в этой теме, а уж тем более теперь, когда целый мир пульсирует вокруг меня.

– Звучит как-то недружелюбно, – говорю я.

– Да, – бормочет доктор, – очень недружественно и агрессивно. – Он крутит в руках бумаги, выстукивая ими по столу какой-то мотив. Потом откашливается и добавляет: – И неизлечимо.

Я не уверена, что правильно его расслышала.

– Я не совсем понимаю...

– Я тщательно изучил этот вопрос, Дженнифер. Это редкое заболевание, большинство гематологов в нашей стране не встречают его за всю свою карьеру. Боюсь, что нет такого лечения, как, скажем, химиотерапия. Это ведь требует времени. – Его челюсть дергается влево, а затем возвращается назад, словно подвешена на резинке. – А я не уверен, что оно у вас есть. – Он кашляет. – В лучшем случае три месяца.

Повисает тишина. Он реально только что это сказал?

Нет, наверно, это ошибка, недоразумение. Или какое-то мошенничество, как бывает в заведениях с сомнительной репутацией, когда тебе норовят записать в счет лишнюю бутылку вина, надеясь, что ты ничего не заметишь.

В моих ушах стоит звон. Я стараюсь игнорировать желчь, подступающую к горлу, но у меня не получается.

– Доктор Маккензи, – выдавливаю я из себя, – боюсь, меня сейчас вырвет...

Он бросает на меня панический взгляд, а потом неловким движением пожилого человека лезет под стол, задев его локтем:

– Ох!

Мне кажется, что я чувствую его боль от ушиба.

Выпрямившись, доктор протягивает серое металлическое мусорное ведро, я беру его и устремляю взор внутрь.

Он деликатно ждет.

Я всем существом сосредотачиваюсь на ведре. Среди скомканных бумажных шариков лежит выброшенная обертка от «Сникерса». Меня тошнит, а затем рвет. В голове будто стучат барабаны. Доктор Маккензи протягивает мне несколько салфеток и стакан воды, стоявший на столе.

– Не торопитесь, – говорит он.

Обычная фраза для человека, у которого впереди полно времени. Но у меня его теперь нет.

Я отпиваю немного воды, пытаюсь уложить в голове услышанное.

– Так вы не думаете, что стоит начинать лечение?

– Я навел некоторые справки по этому поводу, Дженнифер, но не хочу вызывать у вас ложных надежд. И должен предупредить – это лечение чисто паллиативное. – Его голос парил в едком воздухе, обрывками оседая в моем сознании. «Даже если... Это может только...» Эти слова грохочут в моих ушах. Я не хочу их слушать.

Стены его кабинета давят на меня, серые и мрачные, лишённые индивидуальности. Как и он сам.

Он был моим врачом на протяжении тридцати лет – моим семейным доктором, – а я знаю о нем не больше, чем об этих серых стенах.

Ну, вероятно, он жуёт «Сникерсы» на обед.

В кабинете нет ни одного семейного фото или снимка домашнего питомца, или хотя бы анатомической схемы.

Не висит даже ни одного из тех ужасных постеров, призывающих вас бросить курить, – не то чтобы я сама курила, но все же было бы мило с его стороны повесить на стену что-нибудь отвлекающее внимание.

Я не знаю, что сказать. А сам доктор, кажется, заканчивает. Его голос не внушает энтузиазма.

– Я просто пытаюсь быть честным с вами, Дженнифер, – произносит он, водружая очки обратно на нос. – Вы должны знать прогноз. Вам нужно быть готовой.

К чему, доктор?

– Спасибо, – говорю я.

Доктор Маккензи встает и открывает окно.

Я тарашусь на бледный виниловый пол, вращаясь в поворотном кресле туда-сюда. Тут я осознаю, что все еще сжимаю мусорное ведро, и ставлю его на пол, подальше от своего носа.

– Но, доктор Маккензи, вы уверены? Я имею в виду, я чувствую просто... усталость. Не боль, просто усталость. И, может, я стала немного одутловатой. Вы уверены, что это не какое-нибудь ОРВИ, или ОРЗ, или что-то в этом роде?

Звучит так, будто я прошу поменять мне диагноз на одну из этих аббревиатур. Ну да, прошу! Что-нибудь вместо этого проклятого «озиса».

– Результат вашего анализа крови у меня здесь, Дженнифер, – произносит доктор, держа в руках стопку бумаг, как улики обвинения. – Мне бы очень хотелось сказать вам что-то другое, но боюсь, это не соответствовало бы истине.

Ну вот, просьба отклонена. Он устало вздыхает, а затем озвучивает приговор:

– Мне правда очень жаль. Мне бы хотелось, чтобы вы пришли раньше.

Я мысленно охаю.

Мне сорок три года, и мне только что сказали, что я не доживу до сорока четырех, потому что пропустила все сроки. Мне хочется плакать.

Нет!

Я не стану плакать.

Я не могу. Меня так учили. Я работаю в отделе кадров и должна скрывать свои эмоции. Кроме того, эта сцена явно тяжела для доктора. Нет нужды делать ее еще тяжелее.

– Мне тоже жаль, – откликаюсь я.

Доктор передает пачку брошюр через стол, как крупье фишки.

– Это может вам пригодиться, – мягко говорит он.

Я сухо улыбаюсь и небрежно смахиваю их в сумочку (честно говоря, я предпочла бы бросить их в мусорное ведро), глядя, как он выписывает рецепт.

– У фармацевта за углом все есть. Это должно помочь вам пока.

– Пока, – повторяю я, поняв зловещий смысл этого слова.

Я изучаю прыгающие каракули, надеясь на неожиданную удачу: валиум, или кодеин, или знакомый препарат из прежней маминой аптечки, ее ценной коллекции всего, что только могло понадобиться (особенно ей). Ничего знакомого.

– От чего они?

– Они помогают от усталости. И от боли.

Я гляжу на врача с любопытством и оттенком вежливого сомнения.

– Но...

Его губы вздрагивают.

Я понимаю, что это означает: *читай инструкции*.

Он откашливается и поднимается с места с резкой решимостью.

– Нам с вами нужно будет скоро снова встретиться. Юнис в приемной выберет вам какую-нибудь свободную дату, так что, пожалуйста, поговорите с ней на выходе. И не забудьте взять рецепт, дорогая.

Он назвал меня «дорогая». Он никогда раньше не называл меня «дорогая»! Я определенно скоро умру.

Доктор обходит вокруг своего стола и провожает меня до двери, что очень мило с его стороны, поскольку обычно я провожаю себя сама, а затем по-отечески хлопает по плечу.

– Извините за ведро, доктор, – напоследок говорю я.

Отсчет пошел: 90 дней

«Юнис в приемной выберет вам какую-нибудь свободную дату» – только этих дат мне и остается теперь ожидать.

Я обхожу стороной стойку регистрации – в любом случае я не знаю, кто из этих женщин Юнис, – и я просто не смогла бы подойти к ней сейчас.

Я прихожу домой. Наверно, прихожу. Я уже дома.

Это как проснуться с похмелья и обнаружить, что даже в сильном подпитии ты сумела добраться до своей квартиры и выполнить все обычные повседневные действия: положить ключи от входной двери в нужное место, смыть макияж, поставить телефон на зарядку.

Но вот только ты не помнишь ничего из перечисленного.

Вот на что был похож мой путь домой.

Я даже не помню, как заходила в аптеку, однако бумажный бело-зеленый пакет на моей кухонной столешнице подсказывает, что я это сделала. Там же стоит маленькая бутылка виски. Обычно я не пью виски, однако в помутнении разума вполне могла решить, что сейчас это то, что нужно.

Удивительно, какие рациональные решения можно принимать в совершенно иррациональном состоянии.

Теперь я сижу с чашкой чая в руках и пытаюсь восстановить в памяти вчерашний вечер. И никак не могу это сделать.

Может, в последние месяцы у меня развился лунатизм?

Меня начинает слегка трясти. От чего, интересно? Из-за паразита в моем теле, который сожрал все мои надежды на будущее, потому что я заметила его слишком поздно? Потому что я не относилась к своей усталости всерьез...

Что же мне теперь делать? Сидеть и ждать?

Где сейчас моя мама, когда я так нуждаюсь в ней?!

Я все еще не могу заплакать.

Наверно, это странно, что не могу. Просто я чувствую – не сейчас.

Возможно, мои слезные протоки до сих пор отказываются во все это верить?

Очевидно, я нахожусь на первой стадии горя, и эта стадия – отрицание.

Какая следующая? Гнев? Возможно.

Я чувствую, как он сидит и ждет за кулисами. Но не сейчас, гнев. Мне нравится отрицание. Пока...

Мне следует быть реалистом.

Я должна собрать всю возможную информацию и понять, что этот «озис» означает (я никогда не назову это полным названием – не удостою незваного гостя такой чести).

Я решаю прочесть бумаги, лежащие в сумочке, а затем загуглить мою новую мерзкую компаньонку-болезнь, хотя и сознаю связанные с этим опасности. (У меня однажды довольно долго кололо в руке, я погуглила и с ужасом поняла, что это рассеянный склероз. Естественно, это оказалось чушью.) Но Гугл едва ли испугает меня больше – куда уж больше! – так что не лучше ли подготовиться? Я иду за инструкциями, но затем останавливаюсь на обратном пути, выпустив сумку, и она выскальзывает из моих рук, словно живая.

Я не могу этого сделать.

Решимость меня покинула.

Если узнать слишком много, может, это только ускорит появление симптомов? Тех самых, которые могли бы проявиться позднее, если бы о них не догадывались?

Например, если прочитать про возможные побочные эффекты препарата и выяснить, что от него бывают спазмы в желудке, диарея, раздражение кожи или депрессия, то они у вас возникнут еще до того, как вы начнете принимать это проклятое лекарство.

Я мысленно кричу: *Господи, если ты существуешь, пожалуйста, помоги мне! Пожалуйста, скажи, что мне делать.*

Я растеряна.

Я напугана.

Я умираю...

Должно быть, в какой-то момент я заснула, потому что просыпаюсь, как по щелчку, свернувшись калачиком на диване, замерзнув и с тяжелой головой.

Честно говоря, это мое обычное состояние после такой кратковременной дневной дремоты, однако сейчас это ощущение ужасает меня.

Я немедленно чувствую себя больной, хотя и не испытывала ничего подобного до того, как узнала о диагнозе. Нет, я не должна этого делать...

Но вот наконец это происходит.

Я плачу.

Плачу с осознанием, что меня никто не услышит, и с горячим желанием быть услышанной.

Мне хочется, чтобы кто-нибудь пришел и поддержал меня, и сказал, что все будет хорошо.

Но я одна...

Неожиданно я чувствую дискомфорт оттого, что одинока. Ощущаю свою уязвимость и незащищенность.

Но ведь, помимо всего прочего, я прагматик! Я люблю составлять различные списки. Может, это способно помочь?

Я вытираю глаза, сморкаюсь, прекращаю шмыгать носом и хватаю со стола бумагу и ручку.

Посмотрим, что в этой ситуации можно найти позитивного:

1. Я могу больше не страдать из-за всякого дерьма. И, будем откровенны, прямо сейчас наш мир – довольно-таки дерьмовое место. Без Боуи¹, без Леонарда Коэна², без Майи Энджеллоу³. Только правила, политика и бизнес – и никакой поэзии.

2. Я прожила на 12 лет дольше своей подруги Ванессы. Ванессе был 31 год, когда она умерла, а я успела чертовски много за 12 лет, которых у нее никогда не было.

3. Я не заполучу болезнь Паркинсона, как мой отец. Или Альцгеймера, как моя мать. У меня не будет глубоких морщин, или обвисшей груди, или зубов, которые выпадают при одном упоминании о яблоке. И возможно, меня запомнят как героическую страдальицу, ушедшую слишком рано. Приятно будет думать в таком ключе. Надеюсь, меня забудут не слишком быстро.

¹ Дэвид Боуи (1947–2016) – британский рок-певец и автор песен, а также продюсер, звукорежиссер, художник и актер. – Здесь и далее примеч. пер., кроме оговоренных случаев.

² Леонард Коэн (1934–2016) – канадский поэт, писатель, певец и автор песен.

³ Майя Энджеллоу (1928–2014) – американская писательница и поэтесса.

4. Я не боюсь смерти. Я наблюдала за этим процессом. Я находилась рядом с Ванессой, когда она умерла. Это была вполне умиротворяющая картина. В чем-то даже величественная. Я была рядом с отцом, а затем, двумя годами позже, – с матерью.

Знаете, есть те, кто держит умирающих за руку, и есть те, кто выходит из комнаты – как моя сестра, например.

Я держала их за руку.

Но кто придет поддержать за руку меня?

КТО?

У меня нет детей. Три моих выкидыша – вот причина того, что мой муж, Энди, стал бывшим мужем.

Полагаю, моя печальная замкнутость и отстраненность после каждой потери заставляла его чувствовать себя лишним.

Я могла бы разделить с ним свою печаль, если бы он попросил, но он никогда не просил. Он просто смотрел по сторонам.

На Элизабет, например.

Могло ли бы все сложиться по-другому, если бы я позволила ему скорбеть вместе со мной? Я не знаю.

Иногда мне хочется перемотать пленку назад... И никогда не хотелось этого больше, чем сейчас.

Субботним утром я вместе со своей печалью еду в Кентиш-таун и покупаю в местном магазинчике настенный календарь, где каждый месяц иллюстрирован картинами английских художников. Я могла бы купить другой – с изображением Тэйлор Свифт, – но нахожу ее слишком живой и полной жизни, и это кажется мне неуместным.

В моих ушах снова звенят слова доктора Маккензи. *Три месяца... в лучшем случае.*

Я отрываю в календаре листы с января по август (право, этот экстравагантный мусор не стоил 50 фунтов), остановившись на пейзаже Гейнсборо⁴. И начинаю обратный 90-дневный отсчет, игнорируя жалкое предостережение: «в лучшем случае». Это как рождественский календарь без сладостей. Если повезет, я доскриплю до Рождества... Но давайте не будем сентиментальными. Это не научное исследование, это руководство. И стимул. Что-то, что побудит меня выжать лучшее из каждого дня, – и, кто знает, может, я сумею преодолеть отметку дня X. Возможно, я даже встречу Новый год?

Я вешаю календарь на шкаф в своей спальне. Два крестика.

Сегодня последний день сентября – короткого месяца, который теперь кажется еще короче.

Гейнсборо уйдет прочь завтра, а послезавтра уже настанет день 88-й.

Я стараюсь убедить себя, что буду активной и встречу со своей болезнью лицом к лицу, но на самом деле сознаю, что это одна из форм прокрастинации. Отвлечение от моего первого препятствия – разговоров с людьми.

Потому что, как бы я ни пыталась это отрицать, как только я кому-то расскажу – это станет окончательно реальным.

А прямо сейчас отрицание кажется лучшим выбором.

⁴ Гейнсборо (1727–1788) – английский живописец, график, портретист и пейзажист.

День 87-й

Утро понедельника.

Я тащусь в офис, намереваясь рассказать все своему боссу, что кажется разумным началом с точки зрения иерархии, но когда доходит до дела, я просто не могу заставить себя говорить. Фрэнк наименее симпатичен мне из всех знакомых, поэтому, возможно, стоило начинать не с него.

– Ну, выкладывайте, – говорит он.

– Э-э... – я пытаюсь выложить, но не могу. Выражение его лица вызывает у меня некоторую нервозность, так что даже хочется повернуться на каблучках, выйти за дверь, потом зайти и начать заново, обретя свою обычную уверенность.

Вместо этого я застываю как вкопанная, чувствуя, что в горле пересохло, а язык с трудом слушается.

– Я... я не хотела вас беспокоить, но в последнее время я чувствую какую-то усталость. Не совсем обычную, по сути.

Он бросает на меня Классический Взгляд Фрэнка, который как бы говорит: «Мы все устали. Соберись».

Это вымораживает меня.

На секунду мне кажется, будто часть меня отделяется от тела и смотрит на происходящее со стороны. И слышит, как я выбиваюсь из привычного сценария.

– Я... я думаю, мне нужен отпуск, Фрэнк.

Он складывает руки на груди:

– Ну, подайте заявление на отпуск. Вы знаете весь порядок – вы писали его.

– Да... но... нет! Вы правы. Я подам. Я просто подумала, что должна предупредить вас. Я поспешно покидаю его кабинет, чувствуя себя выжатой как лимон. Понятия не имею, почему я оказалась такой трусихой!

И задаюсь вопросом – стоит ли мне пересилить себя и рассказать все Пэтти, моей лучшей подруге на работе.

Мы обе пришли в эту компанию в один и тот же день шестнадцать лет назад. Кажется, что это было вчера, и одновременно – что с тех пор прошла целая жизнь.

Пэтти тоже разведена, только у нее есть сын, который учится в университете. Мы проводили много времени вместе, якобы для обсуждения дел компании, однако после бутылки-другой вина переходили к болтовне о наших личных неурядицах в отношениях. Мы определенно приятельницы по работе, но, как и шампанское, дружба иногда выплескивается за край.

Я прохожу мимо ее кабинета и, остановившись в сомнениях напротив двери, замечаю, что она говорит по телефону. Она ловит мой взгляд и машет мне: мол, выпьем чаю?

Однако какой-то невидимый барьер удерживает меня за дверью, и я не могу войти. Вместо этого я смотрю на часы и качаю головой.

Вернувшись в свой кабинет и принявшись вышагивать взад-вперед, я решаю, что не струсила – просто не захотела тревожить Пэтти. Это правильно, что я ничего ей не сказала. Она не смогла бы нести груз моей тайны в одиночку. Это было бы слишком тяжело для нее – хранить этот секрет (каждый хочет разделить тайну с другим, это свойство человеческой природы). И если бы я сказала ей, особенно раньше, чем Фрэнку, это стало бы ошибкой. Пока у меня нет очевидных признаков болезни, я могу держать свою новость при себе. И может, если я буду вести себя как обычно, то поверю, что я в норме, и смогу избавиться от симптомов, просто игнорируя их? Я сижу за своим столом, уставившись в экран компьютера, и гадаю, что же означает «норма» сейчас.

Я пытаюсь думать о том, что обычно занимало мои мысли.

– Дженнифер?

Выйдя из оцепенения, я поднимаю взгляд от экрана:

– О, Дебора! Извините! Задумалась, ничего вокруг не вижу.

На моем пороге стоит Дебора Пивор, ассистент Итана из айти-отдела. Она работает у нас уже два с половиной года – сразу после окончания университета. Ноттингем. Степень бакалавра в социологии. Разорвала помолвку с Полом, другом детства, ну да в любом случае она еще слишком юна для замужества.

По крайней мере, мой мозг еще работает, думаю я. Несмотря на то что я в смятении, я все еще держу в памяти эту информацию. Она промелькнула в моей голове наподобие титров в теленовостях. Опять же, это плюс, если ты работаешь в отделе кадров.

– Я вас не оторвала от работы? – спрашивает она. – В смысле, я понимаю, что мы не договаривались о встрече, но вы не против, если я войду? – Лицо у бедной девушки пунцово-красное, а шея выглядит втянутой в плечи. – По личному делу.

– Конечно, – отвечаю я немного резковато. – Для этого я и здесь.

Она колеблется:

– Вы в порядке? Я имею в виду, если это неподходящий момент...

Я осознаю, что отныне любой момент оставшегося мне времени для этого неподходящий, поэтому решаю по крайней мере выяснить причину ее визита и, надеюсь, избавиться хотя бы одну из нас от страданий.

– Все хорошо, Дебора. Я была погружена в документы. Расскажите мне все.

Дебора входит в кабинет, садится напротив меня, а потом вдруг заливается слезами.

– Не спешите, – говорю я, пододвигая к ней коробку с бумажными салфетками. Дебора хватается одну и зарывается в нее лицом. Мне хочется обнять ее – не могу смотреть, когда кто-то плачет, – но это было бы сейчас неуместным. Моя работа лишает возможности реагировать на эмоции так, как отреагировал бы друг.

Я должна оставаться на своем месте, сдерживать чувства и соблюдать правила компании, потому что в работе не могу поддаваться чужим эмоциям.

– Извините, – всхлипнула Дебора.

– Не извиняйтесь.

Она смотрит на меня, страдальчески скривив рот.

– Я хочу подать официальную жалобу на Итана. Он совершенно перестал себя со мной контролировать. Начал оскорблять.

Она вздрагивает.

Серьезно? Итан Веббер?

Работает в компании семь лет. Три повышения. Тихоня. Компьютерный задрот. Глава шахматного клуба. Я бы не подумала, что он способен на такое.

– Не могли бы вы описать эти оскорбления, Дебора? – Я делаю пометки в блокноте. – Физические?

– Словесные.

– Поясните, пожалуйста, что он сказал.

Она издает мучительный стон:

– Он сказал мне то, что нельзя повторить.

– Вы должны передать мне его слова, Дебора.

– Я не могу.

– Вы можете произнести по буквам?

Она делает глубокий вдох, и ее губы растягиваются в отвращении: «СУ-КА...»

– Понятно, – говорю я.

Ух ты! Итан. О чем он думал? Ладно.

Когда я упомянула, что работаю в отделе кадров, вас, вероятно, потянуло на зевоту, но на самом деле это довольно интересная работа.

Вы оказываетесь вовлеченными в жизни людей, получаете представление об их образе мыслей. Видите плохие и хорошие стороны. И еще нужно быть стратегом. Это сложнее, чем вы себе представляете.

К тому же, когда ситуация позволяет, вы можете бороться за справедливость. И это для меня самое важное. Справедливость в мире несправедливости.

И сейчас я озабочена справедливостью для Деборы.

– Послушайте, Дебора. Я не оправдываю его оскорбление, но это так не похоже на него. Есть соображения, почему он сказал это вам?

Она кашляет:

– Да.

Я жду.

Она делает глоток чаю, смущается:

– Я удалила важный файл, а затем запаниковала и обвинила в этом его. Я имею в виду... его можно восстановить, ради Бога... Нам нужен только один из техников-специалистов.

– Я понимаю, Дебора, правда, понимаю. Это не дает права на такую реакцию.

Я говорю сочувственно. Затем объясняю различные последствия официальной жалобы. Это не то, что стоит делать необдуманно.

Она слушает, несколько раз порывается возразить, затем бросает на меня удрученный взгляд и пожимает плечами:

– Да уж. Простите, Дженнифер. Я думаю, мне просто нужно было выпустить пар. Выплатиться в дамском туалете либо пойти к вам. Вы выиграли. – Она выдавливает улыбку.

– Спасибо, – говорю я.

– Так... Наверно, мне стоит просто оставить все как есть?

– Нет, вовсе нет! – возражаю я. – Нам совершенно необходимо с этим разобраться. Пустить все на самотек – это не то, что я имела в виду. Нет, я поговорю с Итаном.

– Это так неловко.

– Поверьте, это будет менее неловко, чем при подаче официальной жалобы. Вы заслуживаете извинений. Я добьюсь этого. И возможно, если вы чувствуете, что это продвинет дело, я устрою для вас обоих беседу в этом кабинете. Чтобы он мог официально извиниться. Если откровенно, я думаю, что он уже раскаивается, хотя мне все равно нужно потолковать с ним.

Дебора вздыхает:

– Тогда ладно. Если вы считаете, что так будет лучше...

– Считаю. А сейчас – почему бы вам не пойти домой? Я поговорю с Итаном. Затем вы оба успокоитесь, и завтра мы все уладим. Полагаю, он никогда не говорил так с вами раньше?

– Никогда.

– Все будет хорошо. Идите домой.

– Вы правы. Спасибо. – Дебора встает. – И я буду рада поговорить с ним завтра. Я сожалею, что спровоцировала его. Думаю, я просто устала...

– Если честно, Дебора, я отлично вас понимаю.

– Да. – Она улыбается, не обращая внимания на иронию. – И спасибо за этот разговор, Дженнифер. Я знаю, насколько вы заняты. Я правда это ценю.

Я наблюдаю, как она выходит из кабинета, и думаю о том, что «сука» звучит не так плохо по сравнению с «редкой болезнью крови». Интересно, будут ли мне теперь казаться банальными все чужие проблемы и травмы?

Так или иначе, на короткое время, погрузившись в неприятность Деборы, я забыла о собственной проблеме. Мне приходит в голову, что я должна работать так долго, как только смогу. Я должна постараться забыть о себе. Однако, надо думать, это непросто.

– Ты привыкнешь к этому, – говорю я вслух, обращаясь к себе.
И вздрагиваю.

Господи! Теперь я разговариваю сама с собой.

Я начинаю сходиться с ума...

Я должна кому-нибудь рассказать! Не могу больше держать это в себе. Мне необходимо избавиться от этого самого мрачного из возможных секретов.

Бедная Оливия! Чего только иногда не приходится терпеть лучшим подругам... Мне жаль...

Я быстро набираю ей сообщение прежде, чем снова начну сомневаться, чтобы не было возможности сдать назад:

«У меня непростая новость. У тебя будет время заскочить вечером?»

Я меряю шагами кабинет. Постоянно проверяю экран телефона. Убеждаюсь, что батарея не села и мобильный не в беззвучном режиме. Десять минут словно растянулись на десять часов.

Динь-динь!

«Конечно. Насколько непростая? Принести тортик?»

«Да ((»

«Ох-х. У меня встреча, которая должна закончиться в 18.30, а потом сразу приду. Чизкейк?»

Если откровенно, торт – последнее, что мне нужно, но я думаю, что он может потребоваться Оливии.

«Прекрасно».

Я пока не могу отказаться от этого стиля общения.

Вернувшись домой, я долго глазею на свое отражение в зеркале ванной, словно проверяя, что это действительно я. То же отражение я видела вчера, и позавчера, и позапозавчера. Но сейчас я уже не такая. Все изменилось. И правда заключается в том, что я все еще не могу это принять. Я цепляюсь за отрицание, потому что оно безопаснее. Кто посмеет упрекнуть меня в этом? Но я должна открыться хоть кому-то. И под конец дня, когда вы одиноки, это то, на что подписывается лучшая подруга: в беде или в радости, в болезни и в здравии.

Оливия стоит на моем пороге, тяжело дыша, как будто бежала всю дорогу от офиса. Ее темно-рыжие волосы небрежно собраны на затылке, открывая покрасневшие щеки.

Она одета в белую рубашку, открытый плащ и шелковые брюки цвета хаки с красной отделкой по бокам, подчеркивающие ее длинные стройные ноги.

Оливия работает в индустрии моды, что всегда было кстати, потому что я ходила с ней на все распродажи. Так что, хоть я и застряла в стиле офисных костюмов, по крайней мере они все были прекрасны. Обратите внимание, что я уже использую прошедшее время!

Оливия протягивает мне коробку, перевязанную лентой.

– Чизкейк, – поясняет она. – Что стряслось? Выглядишь дерьмово. Без обид.

– Я не обижаюсь. Хочешь выпить?

– Да. Чай. Бильдерс⁵, пожалуйста.

– Я имела в виду настоящую выпивку.

– С чизкейком?

– У меня есть закуска.

Оливия глядит на меня с подозрением:

– Сейчас не подходящее время для чизкейка, да?

– Не совсем.

⁵ *Builder's tea* – марка английского чая.

– Ты меня пугаешь.

– О, не волнуйся. Это не так ужасно, – лгу я, потому что ощущаю ее возникшую нервозность. Я не уверена, что должным образом подготовила Оливию к своему откровению. Да и разве к такому можно как следует подготовить? – Виски?

– Черт, дорогая! Мы же не пьем виски! Что происходит, Дженнифер? Тебя уволили?

– Сначала выпьем, – настаиваю я на своем. – И меня не уволили.

Мы наливаем себе в стаканы на два пальца односолодового виски, перемещаемся с ним из кухни в гостиную и садимся друг напротив друга.

Оливия пристально смотрит на меня:

– Мы поболтаем о погоде или перейдем сразу к делу?

Мою шею сводит спазм. Губы не двигаются. Я отпиваю виски для «голландской смелости»⁶. Что вообще означает это выражение – «голландская смелость»? Я пытаюсь подобрать определение.

– Дженнифер?

– Извини. Извини. Давай перейдем сразу к делу.

И я начинаю. Будто ныряю с самого высокого трамплина в бассейне, когда сердце трепещет и желудок подпрыгивает к горлу. Я в свободном падении, в ожидании шлепка о воду.

– Помнишь, на днях я ходила к доктору?

– Да...

– Ну, я получила результат моего анализа крови. Я думала, он скажет мне, что у меня дефицит железа или что-то в этом роде, но вышло так, что у меня необычная болезнь крови.

Оливия втягивает голову в плечи.

– О-о, – бормочет она. – Мне так жаль...

– И это в последней стадии.

– Шутишь!

– Хотелось бы.

Она молчит, ожидая продолжения.

А я не знаю, как отреагировать на это молчание. Интересно, есть ли какие-то советы по этикету, которые помогли бы друзьям в подобной ситуации?

– Господи, Джен! Ты *серьезно*?!

Она хватая меня за руку, мы смотрим друг другу в глаза и ошеломленно молчим, как будто кто-то нажал на кнопку паузы.

Затем этот кто-то нажимает кнопку «пуск».

– Мне так жаль, Джен... Я даже не знаю, что сказать...

– Я тоже не знаю, – говорю я. Отпускаю ее руку и беру свой бокал, потому что хочу как-то разрядить атмосферу неловкости.

– Тебе нужно узнать второе мнение, – решительно произносит она, выпрямившись, словно готовясь к схватке. – Нам надо найти лучшего специалиста по крови в стране. В мире!

– Признаться, я бы так и сделала, но доктор Маккензи тщательно изучил этот вопрос. Это невероятно редкое заболевание. И если нужны какие-то доказательства его правоты, то моя мать называла его нашим «золотым самородком», лучшим диагностом, которого только можно найти, и в ее словах не было резона сомневаться. К тому же я не уверена, что на это есть время.

Оливия хмурится:

– Конечно, есть. О каком сроке мы говорим? Это вообще обсуждалось?

– Это какие-то месяцы, Лив. Три. В лучшем случае.

Она зажимает рот рукой:

⁶ Голландская смелость – храбрость во хмелю, пьяная удаль, море по колено (английская идиома, возникшая во времена англо-голландских войн XVII–XVIII вв.). – Примеч. ред.

– Нет! Seriously? Считаю с этого дня?

– С этого дня. Ну... я чувствовала усталость.

Ее лоб перерезает морщина. Оливия поджимает губы:

– Дженнифер?

– Да?

– Ты плакала?

Я указываю на синяки под моими глазами:

– Все выходные. Думаю, я выплакала все, что можно. Я переплакала.

– Почему ты не позвонила мне? Почему плакала в одиночку?

Я пожимаю плечами:

– Не знаю. Я как будто застыла в своей панике. Ты думаешь, что сделаешь это – протянешь руку своей лучшей подруге, возьмешь телефон... Но ты не делаешь. По крайней мере, я не сделала. Не смогла.

Оливия наконец не выдерживает и сама издает мучительный всхлип:

– Мне так жаль... Так невероятно жаль... Ох, Дженнифер. Что я буду делать без тебя? Я не должна плакать, ведь ты такая смелая и...

– Лив? – Ее имя срывается с моих губ сдавленным шепотом. – Я сказала, что уже вдоволь наплакалась...

Она бросает на меня вопросительный взгляд из-под мокрых ресниц.

– Так вот, я соврала. Обними меня, пожалуйста!

Она молча кивает, придвигается, распахивает объятия и притягивает меня к себе.

Наконец-то я окутана любовью и могу не сдерживаться.

Мы плачем вместе: я – в ее надушенную шею, она – в мои спутанные волосы, вздрагивая в унисон.

– Жизнь так несправедлива, – шепчет она. – Я не собираюсь тебя терять! Я просто не позволю этому случиться!

– И я люблю тебя за это, Лив, – отзываюсь я, глядя в ее заплаканные глаза. – Но давай примем все как есть, в мире нет таких вещей, как справедливость и несправедливость. Смерть неразборчива. Мои родители были хорошими людьми, которые умирали мучительно и долго. Моя смерть по крайней мере будет быстрой.

– О, Дженнифер! Это ужасно. Ты не можешь так говорить! Не можешь так легко к этому относиться.

– Нет, нет. Это не то, что я имею в виду. Это не вопрос легкого отношения. Поверь мне, я долго и напряженно думала об этом. Лечение возможно, но доктор Маккензи сказал, что это не лекарство. Это просто отсрочит неизбежное... Ради чего? Чтобы оставаться больной подольше? Получить еще несколько месяцев паршивого самочувствия? Нет, я пойду другой дорогой. Лучше я буду больше наслаждаться тем коротким временем, что мне осталось.

– Конечно, но...

– И я не хочу тратить его на поиски какой-нибудь альтернативной чепухи, которая может внушить мне ложную надежду... Как было с Энди Кауфманом⁷ в том фильме, что мы смотрели. Не помнишь, что мы сказали после просмотра? Решили, что это очень печально.

– Но это был только фильм. И там был парень, которого мы не знали. А это ТЫ!

– Да! И потому мне нужно делать то, что будет правильно для меня. – Я глубоко вздыхаю. – Это мой выбор. Я не знаю, насколько плоха стану и как скоро это произойдет, но до тех пор хочу жить нормальной жизнью.

– Господи, это так мужественно... Но что *сейчас*, черт побери, можно считать нормальным?

⁷ Американский актер, шоумен и стендап-комик.

– Я не знаю. Думаю, мы это выясним. Но пока я могу справиться, не хочу ходить облепленной пластырями морфия и накачанной лекарствами, которые доктор Маккензи прописал мне. Я собираюсь оставаться позитивной так долго, как только смогу, без болеутоляющих. И ты должна помочь мне. Не надо больше плакать. Идет?

– Извини, я не должна была... – Оливия шмыгает носом.

– Нет, нет! Я рада, что ты это сделала. Рада, что мы поплакали вместе. Но теперь нам нужно договориться держаться бодро.

Она вздрагивает.

– Хорошо. Это твой выбор. Мы сделаем в точности то, что ты хочешь.

– Спасибо. Еще? – Я беру пустые бокалы.

– Учитывая обстоятельства – да, – кивает Оливия. – Хотя это и отвратительно.

– Правда. Но это обезболивает. Думаю, поэтому его и изобрели.

Я приношу бутылку из кухни и наполняю наши стаканы.

– Так что ты хочешь делать? – спрашивает она, вслепую стирая потеки туши со своих щек.

– Ты о чем?

– О том, как ты собираешься провести эти три месяца? – Оливия качает головой и поеживается, отпивая виски. – Не могу поверить, что говорю такое сейчас. Вели мне замолчать, если не хочешь это обсуждать.

– О нет, Лив. Мне нужно разгрузить голову и разговаривать.

– Ладно, но ты ведь скажешь мне, если я переступлю черту? Это неизведанная территория.

– Конечно.

– Ну так... что дальше?

– Ну, я собираюсь работать так долго, как только смогу.

– Серьезно? В смысле, я понимаю, что ты хочешь вести себя нормально, но ты не можешь работать до конца дней. Это все равно что просить тосты с фасолью на последний ужин.

– Я люблю тосты с фасолью.

Оливия грустно усмехается:

– Да ладно. Я не позволю тебе так скучно провести остаток времени. Есть ли какое-нибудь место, куда ты всегда хотела поехать?

Я беру паузу на размышления.

– Куба, Вьетнам, – говорю я наконец. – Камбоджа, Киото, Венеция, Аргентина. Туда ведь долго ехать? Но я не хочу путешествовать. Мне нужно остаться недалеко от дома. От больницы. Я бы побоялась сесть в самолет и рискнуть оказаться одной из тех бедолаг, ради которых капитану приходится делать объявление по громкой связи: «Есть ли на борту доктор?»

Оливия кивает:

– Да. Наверно, я размышляла бы так же.

– Мне следует выработать какой-то план, верно?

– Кроме работы. Думаю, это было бы разумно.

Я тоже киваю:

– Я должна попытаться сделать что-нибудь значительное. Что-то стоящее. – И почему я раньше никогда об этом не думала? Неужели я всерьез полагала, что просто продолжать работать – это достаточно? – Хорошо. Итак... Я уйду с работы. Когда буду готова.

– Ты уже сообщила коллегам?

– Нет. Пока еще нет. Тебе сказала первой. Я пыталась сегодня рассказать Фрэнку и Пэтти, но не смогла. Слова словно застряли в глотке. Но, может, это и к лучшему. Очевидно, мне нужно было поплакать, но я не могла делать это на рабочем месте.

– Не думаю, что кто-то ждал бы, чтобы ты оставалась профессионалом в этой ситуации.

– Ну, я от себя этого жду. Не хочу, чтобы коллеги меня жалели. Не желаю становиться человеком, с которым неизвестно, о чем разговаривать. И не хочу, чтобы меня избегали, потому что не знали бы, как себя вести.

– Люди могут удивить тебя.

– Я работаю в кадрах. Меня ничто не может удивить.

– Тогда... Чем ты всегда мечтала заняться?

На секунду я озадачилась. Попыталась найти ответ...

– Ну, у меня никогда не было особого списка. Я всегда думала, что они для пессимистов. Оливия улыбается.

– А ты жалеешь о чем-нибудь, что не сделала?

– О, разумеется. У меня куча поводов для сожалений. Я жалею, что не съела больше блинов с кленовым сиропом и куриных буррито. Жалею, что хранила лучшую одежду для каких-то *особенных случаев*. Как будто я ждала, когда появится рыцарь в сияющих доспехах, и я надену лучшее дизайнерское платье, и он заберет меня из моей обычной жизни, даже если она мне и нравится. Глупо, да?

– Не глупо. А очень знакомо. Что еще?

– Ну... Я жалею, что не помогала миссис Мамфорд в ее походах по магазинам.

– Кому?

– Одной женщине по соседству. Она живет здесь всю жизнь. Ей, должно быть, уже далеко за восемьдесят. Иногда я вижу, как она шаркает с одной из этих старушечьих тележек, полных покупок, и думаю: надо бы ей помочь. Но я всегда или говорю в этот момент по телефону, или спешу на встречу, и это всегда неподходящий момент. Только теперь я понимаю, что подходящего момента не существует. Я должна была найти время и помочь ей с покупками. Но я никогда этого не делала.

Оливия смеется:

– Боже, Дженнифер! Эта мысль даже не пришла бы мне в голову. Ты так внимательна, и не должна чувствовать себя виноватой. Твои порывы благородны.

– Но к чему хорошему они привели? А теперь нет смысла начинать то, что я не смогу закончить... Ох, Оливия!

– Я здесь.

– Ты вовсе не должна выслушивать мои стоны. Пожалуйста, заставь меня замолчать.

– И не собираюсь! Тебе нужно поговорить обо всем этом. Если уж на то пошло, мне необходимо услышать больше.

Я усмехаюсь:

– О, у нас еще куча времени. Оглядываясь назад, я понимаю: в моей жизни было так много вещей, с которыми я хотела бы справиться лучше.

– Например?

– Ну, для начала мне следовало бы сказать Энди, что я на самом деле думала, в ту ужасную субботу, когда он объявил о своем уходе. Знаешь, когда он признался, что изменял мне с Элизабет.

– Я всегда говорила, что ты была слишком добра.

– Но он в тот момент плакал. Из-за этого я чувствовала себя еще хуже.

– Это было в точности то, чего он добивался. Чтобы ты отпустила его без всяких упреков.

– Ты думаешь, он просто манипулировал?

– Конечно!

– Нет, – произношу я решительно, – ты ошибаешься. Энди не смог бы выдавить из себя крокодиловы слезы – он был в настоящем отчаянии. Он искренне раскаивался. Но я не должна была отпускать его, не заставив задуматься о том, что он оставляет позади. Мне следовало сказать ему, что, по-моему, у нас хороший брак, за который стоит бороться и который заслу-

живает еще одного шанса. Что, хотя я чувствовала себя обиженной и преданной, я все еще не хотела потерять его. Но вместо всего этого я молча стояла и слушала.

– Тогда тебе нужно сказать ему это! Немедленно!

– Не глупи. Это было так давно. Он женат на Элизабет уже даже дольше, чем был женат на мне. Просто теперь я злюсь на себя за то, что тогда сдержалась. Может, если бы я рассказала ему о своих чувствах, он бы остался. И сейчас мне было бы с кем пройти через все это.

– У тебя есть я, – заявляет Оливия, мрачно на меня глянув.

– Конечно, Лив, – я сжимаю ее руку. – Спасибо. Но у тебя есть Дэн. А мне бы хотелось, чтобы кто-нибудь был здесь двадцать четыре часа семь дней в неделю. Который знал бы меня так хорошо, что ему не приходилось бы спрашивать о моем самочувствии. Кто мог бы смотреть на меня и разговаривать.

– Энди был таким человеком?

– Нет! – восклицаю я. – Но мог бы им стать, если бы дал нашему браку еще один шанс. А потом был Гарри. Я чувствовала, что мы могли бы быть вместе, а теперь надежды нет. Я частенько думаю о нем. И о том, стоило ли мне отреагировать как-то по-другому. Может, я слишком поспешила, осудив его?

– Реально, Джен? После того, что он сделал?

– А что он сделал? Возможно, мне стоило поверить, когда он сказал, что они с Мелиссой просто друзья.

– Ты видела его с ней на видео!

– Его рука обнимала ее, и только. Может, никакого интима между ними и не было.

– Да ладно тебе!

– Ну хорошо. Но было ли это таким уж преступлением? Кто сказал, что мы не могли вернуться в прежнее русло? Я знаю, он тебе никогда не нравился, но он был умен и интересен и вполне мне подходил. Он вернул мне уверенность в себе.

– В смысле, до той поры, как снова отобрал?

Я закатываю глаза.

– В любом случае мне стоило бы дать ему еще один шанс. – Я машу рукой. – Ох, только послушай меня! Я безнадежна. Вся моя жизнь – один большой круг повторяющихся событий. И я не усвоила ни одного урока.

– Это неправда.

– Это правда. Я трусиха. Никогда не отваживалась вступать в конфликты. – Я киваю в подтверждение своих слов, разочарованная в себе. – И, видимо, была никудышной в постели. Все мои мужчины мне изменяли.

– Это потому что все мужчины – изменщики.

– Думаешь, Дэн изменщик?

– НЕТ! – восклицает Оливия с оскорбленным видом.

– Я остаюсь при своем мнении.

– В любом случае ты не трусиха, – не соглашается Оливия. – Только посмотри, как ты справляешься с этими новостями. Ты потрясающая и смелая. Остроумная и добрая. Ты самый искренний человек, которого я только знаю.

– Перестань!

– Нет, послушай!

– Спасибо тебе... – Я задумываюсь на пару секунд. – Все равно, признай это. Я была немного трусливой. Никогда не боролась за то, чего хотела больше всего.

Оливия смахивает с брюк несуществующие пылинки, а затем обхватывает мое лицо ладонями и смотрит мне прямо в глаза.

– Вот почему тебе нужно рассказать этим парням все, что ты хотела сказать. Им нужно это услышать. Ради них самих и ради тебя.

– Это нелепо, – отмахиваюсь я. – Я просто говорю тебе, чтобы снять камень с души.

– Почему это нелепо? Что может быть лучше облегчения? Если ты собираешься встретиться с болезнью лицом к лицу, тебе нужно завершить незаконченные дела. Тебе необходимо быть в мире с собой.

– Только послушай себя! Ты ведешь себя, как Анна-Мария.

Анна-Мария является третьим углом в нашем дружеском треугольнике. Или, если хотите, третьим мушкетером, только она разительно отличается от нас с Оливией.

Анна-Мария любит все альтернативное. Она не всегда была такой, раньше любила ходить по вечеринкам и тусоваться в больших компаниях, пока однажды не проснулась в чужой постели с мужчиной, которого не узнала. Обнаружив себя живой, а впоследствии не беременной, Анна-Мария обратилась к духовности.

Если откровенно, думаю, мы предпочли бы, чтобы она и дальше оставалась тусовщицей. Мы с Оливией были школьными ботаниками, и дружба с отвязной звездой вечеринок заставляла нас ощущать себя тоже отчасти отвязными, где-то в глубине души. Но, вероятно, для Анны-Марии это сработало в обратную сторону.

Не уверена, что вы станете слишком часто встречаться с подругой, которая увлекается рэйки⁸, чакрами и тибетскими поющими чашами. Временами это бывает весело, а когда происходит постоянно – возникает непроизвольное желание сжевать рукав.

Однако есть друзья уже вроде родственников, с которыми вы связаны одной пуповиной, и Анна-Мария одна из таких.

– Ну, иногда она рассуждает верно, – замечаю я.

– Она приняла аяюаску⁹. И переродилась. Три раза. Она чокнутая! – хмыкает Оливия. – Давно тебе это твержу. Ну... с кем еще ты хотела бы выяснить отношения? – оживившись, спрашивает она.

Я хочу рассказать о своей самой давней подруге, Эмили, которую знала практически с рождения. Она жила на моей улице. Я виделась с ней почти постоянно – она стала для меня как член семьи. Но когда мы перешли в среднюю школу и я начала тусоваться с Оливией и Анной Марией, Эмили не вписалась в нашу компанию. Она немного общалась с нами, но в основном мы встречались вне школы.

А потом, несколько лет назад, Эмили вдруг перестала со мной общаться. Я сказала ей что-то не то и расстроила ее, а она не дала мне шанса объясниться.

Она единственная из подруг, с которой я так серьезно поссорилась, и сейчас, ощутив ностальгию, я понимаю, что действительно скучаю по ней.

Но это кажется слишком глубоким переживанием, чтобы вот так просто вытащить его на поверхность, и к тому же Оливии Эмили никогда особенно не нравилась.

– С доктором для начала, – говорю я.

– Правда? – удивляется она.

– Да. Он повел себя ужасно. Сначала сообщил мне кошмарную новость, а потом еще и отчитал. – Я повторяю его замечание: – «Жаль, что вы не пришли раньше». Как будто это моя вина, что я не связала чувство усталости с чем-то ужасным в моей крови.

– Не могу винить тебя за желание пристрелить плохого вестника.

– И Элизабет. – Теперь я в ударе. – В конце концов, не только у Энди был роман. Она стала соучастницей, и все же обращалась со мной так, будто виновата именно я. К тому же она вела себя нервно и мстительно, она вбивала клин между мной и Энди, в то время как мы изо

⁸ *Рэйки* – переводится с японского как «отвечающие небеса» или «область отвечающих ангелов», обозначает переход энергии сверху вниз, «ответ» небес земле. Слово пишется на японском двумя иероглифами – «Рэй» и «Ки».

⁹ *Аяюаска* – напиток-отвар, традиционно изготавливаемый жителями бассейна Амазонки и оказывающий психоактивный эффект.

всех сил старались сохранить дружеские отношения. Стоит сказать ей, что она злая сука! – Я улыбаюсь: – Говорю это, и становится легче.

– Ну так продолжай! – Оливия заносит руку, чтобы по-баскетбольному шлепнуть меня по ладони, но затем решает обойтись без этого и заправляет за ухо прядь волос. – Получается, Энди, Элизабет, Гарри, доктор. Кто-то еще?

– Изабель.

– Твоя сестра?

– Да. Она моя сестра, и я люблю ее – большую часть времени, – но она может быть довольно вредной. И по какой-то причине я всегда позволяла ей вредничать.

– Ну, раз уж мы здесь исповедуемся, скажу, что это не оставалось незамеченным. Даже в школе я думала, что она злая. Слушая кое-какие твои рассказы за эти годы, я удивлялась, что ты никогда с ней не ссорилась.

Я пожимаю плечами:

– Так было всегда. И мои родители тоже никогда не говорили ни слова против нее. Представь, я даже не рассказывала ей о выкидышах, из опасения, что из-за нее почувствую еще большей неудачницей. Моя сестра! Она должна была стать моей ближайшей наперсницей. Мне пришлось поклясться родителям, что я никому не скажу. Мне так повезло, что ты у меня есть, – я стискиваю ее ладонь. – Что ж, теперь ты знаешь все о моей темной стороне, и я выдохлась.

Оливия обнимает меня за плечи, позволив моей голове уткнуться в ее шею.

– Лучше вытащить это на свет, не так ли?

Я киваю. И даже осознаю, что улыбаюсь.

– Да. Спасибо.

– Так как же ты собираешься сообщить им все это?

Я отстраняюсь, поймав ее взгляд.

– Да ладно, Лив. Я сказала тебе. Нет необходимости рассказывать еще и им.

Она хмурит брови, искренне изумленная:

– Почему нет?

– Потому что это *безумие*.

Она впивается в меня стальным взглядом.

– Дженнифер. Чего тебе ждать? Разве сейчас не самое время стать немного безумной?

День 80-й

Они говорят, можно написать письма людям, которые вас ранили (и это будет вроде катарсиса), а потом выбросить. Или порвать.

«Они» – гуру. Да, вы угадали. Возможно, я не столь увлеченная, как Анна-Мария или Энди Кауфман, но я тоже немного занималась этим вопросом. Прочитала несколько книг, побывала на паре мотивирующих курсов. Не тех, конечно, где нужно бродить по раскаленным углям – это мне не по вкусу – или где кто-то часами кричит и ты кричишь в ответ и обещаешь, что изменишь свою жизнь навсегда. А потом ты вернешься домой, и наутро твоя жизнь будет выглядеть точно так же, как всегда, просто ты станешь беднее, потому что все это стоит целое состояние.

Оливия права. Сейчас самое время сказать все то, что я должна сказать значимым для меня людям. Я не хочу умирать, отягощенная сожалениями. Мне нужно обрести покой.

Возможно, это и безумная идея, но мне равно нечего терять, верно?

Так что если записывание событий – это вид катарсиса, то я решила написать письма каждому. Да! Старые добрые письма. Только я свои не порву, а отправлю. Если их не отправлять, какой смысл писать? Конечно, я могла бы отправить письма по электронной почте, но электронные письма пробегают взглядом. А письма рукописные – читают. В наше время они такая редкость, что кажется, в них есть нечто ценное, достойное рассмотрения. По крайней мере, я на это надеюсь.

В конце концов я написала только три, но каждое из них отняло у меня целую вечность. Я мучилась над каждой строчкой. Потом перечитывала, чтобы убедиться: ничто в них не имеет двойного значения и не может быть неправильно истолковано. Я хотела быть полностью понята своими адресатами.

Первое адресовалось Энди и Элизабет. В своей последней агрессивной тираде, когда она велела мне убраться из их жизни, Элизабет заявила, что они с Энди «одно целое», поэтому я и написала им как «одному целому». Полная прозрачность.

Я не хотела утаивать от них свои эмоции. Поэтому написала, что думала: раз уж они обманывали меня, то по крайней мере могли бы быть добрее. И моя сдержанность не означала, что мне все равно. Это меня ранило. И мне больно до сих пор.

«Я тогда страдала из-за третьего выкидыша. Я горевала и была очень несчастна. Мы могли бы пройти через это вместе, Энди, и найти утешение в объятиях друг друга, но вместо этого ты предпочел уйти за утешением в другое место. И, Элизабет, даже не зная меня тогда, ты точно знала, что делаешь: поступаешь вопреки женской солидарности в то время, когда я была наиболее уязвима. Но самое обидное – ты возложила вину на меня. На ту, у кого отняли все: детей, брак, уверенность в себе и способность доверять, и вы оба вели себя так, словно я это заслужила. Как будто я забыла запереть входную дверь, и это почему-то дало тебе право войти и взять все, что приглянулось, но что тебе не принадлежало. И, по глупости промолчав, я стала соучастником».

В конце я добавила, что, возможно, мне не стоило говорить все, но так как я умираю, то чувствую себя обязанной написать эти три душераздирающие страницы.

Когда я писала письмо к Гарри, то не могла сдержать слез. Мне пришлось переписать его несколько раз, чтобы убедиться, что оно понятно.

«Мой дорогой Гарри, я уверена, что ты будешь шокирован, увидев мой почерк. И, предупреждая твои возможные вопросы, – это не предвещает ничего хорошего. Но я надеюсь, что

с тобой все хорошо. Что касается меня, то вынуждена с грустью сообщить, что мне осталось три месяца жизни. Я пишу тебе, потому что не хочу, чтобы ты узнал это от кого-то постороннего, и верю, что ты заслуживаешь лучшего. Что забавно, учитывая, как сильно ты меня ранил. Потому что ты на самом деле сделал мне больно, Гарри. Ты, наверное, скажешь, что не сознавал этого, и будешь прав, потому что я не говорила тебе об этом. Но ты причинил мне боль, и теперь я это говорю.

Факт в том, что я любила тебя, а ты меня предал. Уверена, ты будешь утверждать, что не делал этого, как ты всегда возражал и раньше, но думаю, что сейчас момент быть искренними. Поэтому я открываю тебе свое сердце, зная, что или сейчас, или никогда – буквально.

Мой дражайший Гарри. Я никогда не забуду, как поймала твой взгляд той ночью в баре «Чичи Сити» и подумала: не на меня ли ты смотришь? Оказалось, на меня. И ты был так спокоен и расслаблен, когда подошел к моей компании. Я сразу же почувствовала необычайную легкость в общении с тобой. Со мной никогда не случалось ничего подобного ни до, ни после. Это было волшебство.

Я всегда говорила, что именно ты вернул мне уверенность в себе, но ты должен знать, что эта уверенность ушла вместе с тобой. Предательство наносит ужасный вред человеку, Гарри, и, что еще хуже, ты знал – это моя ахиллесова пята. Как часто мы говорили с тобой об этом? Пережив предательство в браке, я боялась этого больше всего. И ты был таким понимающим, таким искренним, что я почувствовала: я могу тебе доверять. Но мне не следовало, правда?

Называй это женской интуицией, если хочешь, но я знала, что Мелисса ждет за кулисами, как бы ты ни уверял, что она просто друг. Кто бы в это поверил? Хотя, признаюсь, иногда я жалела, что не поверила. Но в тот момент, в той неловкой ситуации, я не хотела снова стать жертвой. Я должна была контролировать ситуацию – и поэтому закончила отношения.

Теперь я жалею, что была такой гордой. Я слишком поторопилась. Все это время я думаю: «а что, если?..» Что, если бы я сражалась за тебя? Если бы сказала, как много ты для меня значишь, вместо того чтобы притворяться, будто мне теперь все безразлично? Что, если бы я поверила тебе? Нам ведь было хорошо вместе. А такие отношения – редкость. Я очень скучаю по тебе, Гарри.

Вот такие дела. Все карты раскрыты. И, раз уж пошел такой откровенный разговор, я, несмотря ни на что, хотела бы снова тебя увидеть, если ты не против. Надеюсь, ты не против? Сказать последнее «прощай».

Дженнифер».

Дописав это письмо, я почувствовала себя полностью опустошенной. Поэтому только через несколько дней достаточно собралась с силами, чтобы обратиться к Изабель.

Как сказать сестре, которую любишь, что ты умираешь? А потом выдернуть чеку из гранаты и выложить все те ужасные вещи, которые она тебе сделала и которые ты раньше принимала молча. Как рассказать о старых ранах, о которых она даже не подозревает, потому что у тебя никогда не хватало смелости заявить о них?

Но именно это я и сделала. Сначала я сообщила, что люблю ее, а затем позволила всей застарелой боли выплеснуться на бумагу. Я тщательно каталогизировала каждый случай ее двуличия:

«Помнишь, как ты увела у меня парня? И не просто парня. Нейла! Мою первую любовь. Того, с кем, как я думала, я останусь навсегда. И ты даже не извинилась. Как будто существует какой-то средневековый закон, который дает тебе право похищать у младшей сестры

все, что тебе вздумается. Я говорила тебе, как я была опустошена, но ты только посмеялась надо мной. Это разрушило очень многое. Не хочу винить тебя в том, что я плохо сдала экзамены, но знаю, что могла бы добиться большего, если бы не была так раздавлена горем».

И я продолжала в том же духе. Написала, что ее действия причиняют боль и ее язвительный язык ранит не меньше, и тот факт, что ей все сходит с рук, не делает данную ситуацию нормальной. Кроме того, я добавила, что не только со мной она так обращалась. Что есть люди, которым пойдет на пользу, если она осознает, как может ранить других, пусть даже мне это уже не поможет...

Кстати, я передумала писать доктору. Не хочу наказывать вестника. Я нуждаюсь в нем. У меня назначена встреча через пару недель – Юнис, секретарша, пригласила меня на прием, и я хочу, чтобы он вел себя как врач, а не как жертва, которая просит прощения. Думаю, доктор просто выполнял свою работу.

Несколько дней я сидела, глядя на эти проклятые конверты (слишком много крестиков на моем календаре!). Но наконец, осознав, что только теряю драгоценное время, я набираюсь мужества и иду к ярко-красному почтовому ящику.

Если бы кто-то наблюдал за мной, то наверняка заинтересовался бы, что же я такое задумала. Я тяну руку, чтобы опустить конверты, но тут же отдергиваю. И некоторое время просто стою и размышляю. Затем пересчитываю письма, как будто могла где-нибудь одно выронить. Проверяю адреса. На самом же деле я тяну время, просто потому, что сомневаюсь в своих мотивах. Действительно ли я хочу отослать их? Разве недостаточно написать их и просто выбросить? Но потом напоминаю себе: я умираю.

Собравшись с духом, я сую письма в щель красного ящика. И наконец, с трудом разжав пальцы, отпускаю их.

Мне становится страшно. Так страшно, что немедленно хочется каким-то образом вытащить письма обратно, однако я разворачиваюсь и иду домой.

Я сделала это! Я действительно это сделала. И наконец-то чувствую себя смелой.

День 77-й

Если Королевская почта сделает свою работу как надо, то мои адресаты должны получить свои письма сегодня. Самое позднее – завтра. Я в нервном ожидании.

О чем я только думала?

Очевидно, ты не становишься внезапно храбрым и толстокожим за одну ночь только потому, что умираешь. В четыре утра я проснулась в горячем поту, в панике и сожалении, что не могу взять назад каждое предложение. В ужасе от того, что наделала.

Но теперь, когда начало светать и птицы принялись выводить свои трели, мне уже не так страшно, и где-то в глубине души я даже чувствую гордость за себя.

Интересно, как они отреагируют? Получу ли я какую-нибудь весточку от Изабель? Или она будет настолько оскорблена моей честностью, что скорее дождетя, когда я умру, чем извинится? Нет. Это не в ее стиле. Обижаться – да, но молчать – никогда.

Подумает ли Гарри, что я запоздало и неуместно высказала сейчас то, что должна была сказать еще тогда? Будет ли Энди все еще настолько опьянен Элизабет, что не почувствует ни капли стыда, вины или раскаяния? Не думаю, что Элизабет почувствует что-либо, кроме презрения. Но я справлюсь с этим – я уже привыкла.

Элизабет – тот убогий типаж, который во всех женщинах видит потенциальную угрозу и злобно зыркает, когда они появляются в пределах видимости, а мужчинам в то же время мило строит глазки. Как только мы начали бракоразводный процесс, она без всякого стыда вышла из тени, желая обязательно находиться с Энди. Мы с Энди встречались, чтобы обсудить детали, и она всегда оказывалась рядом: с широко раскрытыми невинными глазами и стальной решимостью убедиться, что я не собираюсь его возвращать. Как будто это я заслуживала подозрений!

Кстати, не удивлюсь, если именно Элизабет написала прощальную речь, которую Энди произнес на кухне в тот ужасный день.

И едва лишь был оформлен наш развод, как они тут же поженились. Их свадебные обеты наверняка включали в себя строку «и никому иному, а особенно Дженнифер». И то правда: я могла бы не упускать возможности и побороться за Энди, пока было время... Во всяком случае, теперь она точно знает, что я думаю. И она единственная, из-за кого я в данной ситуации ничуть не переживаю.

Вчера я рассказала своему боссу Фрэнку о своем диагнозе. Осмелев после отправки писем, я наконец сумела выложить это. И Фрэнк повел себя очень мило, даже заботливо. Признаться, даже не ожидала от него. Он сказал – в первую очередь я должна позаботиться о себе, а все остальное второстепенно. И добавил, что мне нужно самой решить, когда уйти с работы, но в любом случае следует сократить свой рабочий день.

Самое большее – с одиннадцати до трех. И после этих слов обнял меня.

Фрэнк, наименее обнимающийся человек в мире, обнял меня! Кажется, я разревелась, и от этого он занервничал, почувствовав неловкость, так что я взяла себя в руки.

И сказала ему, что единственная коллега, которой я хочу это сообщить, – Пэтти. Фрэнк ответил, что поддерживает это намерение, так как только я могу решить, что для меня правильно. Как мило, не правда ли?

Сразу после этого разговора я заглянула в кабинет Пэтти:

– У тебя есть минутка?

Это оказалось тяжелее и куда болезненнее, чем сообщать Фрэнку. В конце концов, она была моей приятельницей. Пэтти замерла в ошеломленном молчании, потом ее лицо расстроено вытянулось. Я попросила ее не посвящать в тайну остальных работников, даже мою команду. Если кто-нибудь спросит, почему мой рабочий день оказался сокращен, ей следует

сказать, что это из-за реорганизации отдела кадров и я с этим прекрасно справляюсь. Просто я не хочу (объяснила я ей), чтобы люди чувствовали себя со мной неловко.

– Но мы все любим тебя, – возразила Пэтти, – и люди захотят узнать, в чем дело. Они сделают для тебя все, что смогут!

– Однако никто ничем не сможет помочь, и я правда не хочу, чтобы они чувствовали себя обязанными или ощущали неловкость.

– Ты уверена? Тебе может понадобится больше поддержки, чем ты думаешь.

– В таком случае обещаю, что попрошу о ней, Пэтти.

Она понимающе кивнула:

– Ты очень храбрая.

– Если люди продолжают так говорить, в один прекрасный день я могу в это поверить.

– Поверь, – сказала мне Пэтти.

С сегодняшнего дня я начинаю работать с одиннадцати.

Мне больше не требуется вставать в семь, но это не имеет значения. Я всегда просыпаюсь в половине седьмого и встаю в семь – это часть моего распорядка, и я не собираюсь его менять. Сегодня утром я просыпаюсь в шесть, и мгновение мне кажется, что все нормально, пока я не вспоминаю. Ничего не нормально. Ничто и никогда не будет больше нормальным...

Мне не хочется оставаться с этими негативными мыслями наедине, поэтому я решаю все равно отправиться на работу. Пусть это будет демонстрация силы духа для Фрэнка. Что я получу от более позднего начала работы? Но когда я встаю с постели, на меня вдруг наваливается чувство апатии. С каждой секундой оно становится все более сильным, как будто просачивается из моей крови прямо в кости. Я осознаю, что во мне так мало энергии, что, даже если я начну собираться прямо сейчас, то наверняка еле-еле доберусь до работы к одиннадцати. Фрэнк, должно быть, знал что-то, чего не знала я.

Я сажусь на край кровати, собирая всю свою решимость. Я говорю себе, что должна это пережить.

Разум сильнее материи. Повторяя это про себя, я медленно встаю, отправляюсь в ванную и надолго залезаю под душ. Потом принимаюсь одеваться, как будто в замедленной съемке, в итоге надеваю первые попавшиеся в шкаф вещи и иду заваривать чай.

Потом смотрю на часы, висящие на кухонной стене. Еще нет и половины восьмого. Это просто смешно! Мне обязательно нужно найти себе цель. Я должна подумать о том, чтобы привести все дела в порядок. Я уже составила завещание. Я сделала это, когда развелась. Полагаю, мне следует теперь расписать похоронную церемонию, чтобы убедиться, что все будет так, как я хочу. Как будто это имеет значение. Как будто я знаю! Но, по крайней мере, моим друзьям не придется думать, что со мной делать. Боже, мои похороны! Мои по-хо-ро-ны. Я несколько раз представляла себе это в детстве, когда играла с Эмили. На самом деле это была ее идея... Следует ли мне связаться с ней?

Поэтому я об этом и вспомнила? Нет. Это было бы слишком странно. И слишком много времени прошло. Мои похороны – отныне не наша глупая детская игра. Это уже по-настоящему.

Я иду к своему столу и открываю ноутбук. Смотрю, как он загорается, а потом как выключается. Я понимаю, что не могу написать свою похоронную церемонию.

Не сейчас.

Я еще не готова.

Может, вечером.

Может, завтра.

Пожалуй, пойду прогуляюсь. Подышу свежим воздухом, разгоню кровь по венам. Сейчас прекрасное время, чтобы пройтись по вересковой пустоши. Там пока никого нет, и я смогу

полюбоваться на разноцветные листья и насладиться уединением на свежем воздухе. Я больше не могу принимать эти простые радости как должное.

Я ведь всегда любила гулять на природе. Я выросла в деревне Хэмпстед, и пустошь – это местное сокровище, полное красоты и ностальгии.

Помню, в детстве мы с семьей приходили каждую Пасху на ярмарку и ели розовую сахарную вату, посещали автодром, теряли деньги на «одноруких бандитах» и смотрели, как отец пытается попасть в мишени в тире, чтобы выиграть золотую рыбку.

Когда мне исполнилось восемь, отец водил нас с Изабель на пруд для купания, такой глубокий и холодный, что нам ничего не оставалось, кроме как изо всех сил болтать ногами и размахивать руками ради спасения своих жизней. Это вызывало у него улыбку, ведь он при этом поддерживал нас за животы.

«Я еще сделаю из вас людей», – приговаривал, посмеиваясь, он.

Однажды мы с Эмили попробовали нашу первую сигарету, спрятавшись за массивным дубом, и почти сразу же, кашляя и задыхаясь, объявили ее последней.

Я даже в первый раз поцеловалась возле Долины здоровья¹⁰.

Мы с Энди гуляли здесь, когда начали встречаться. Он ведь тоже вырос в Хэмпстеде. Мы росли друг у друга на глазах, но он был тогда не в моем вкусе. Высокий и светловолосый, он вызывал восхищение у многих девушек. Они считали его сексуальным и остроумным, однако я видела в нем лишь высокомерие и сарказм.

А потом однажды в субботу мы столкнулись в метро, и у нас не было другого выбора, кроме как завязать разговор – удивительно, но мы поладили. Сходя с поезда раньше меня, на Тоттенхэм-Корт-роуд, он спросил номер моего телефона. Признаюсь, я была польщена. А Энди позвонил на следующий день, и на нашем первом свидании он появился вовремя. Он оказался надежным, и мне это понравилось. После Нейла у меня было несколько приятелей – божьих или совершенно не подходящих мужчин, так что отношения с Энди вызывали чувство комфорта и радости: это было все равно что вернуться домой после мучительного дня на шпильках. Он внушал чувство безопасности.

Когда мы поженились, я отчаянно хотела быть поближе к семье, и Энди не возражал – это была и его земля тоже. К счастью, мы нашли дом-развалюшку, который могли себе позволить, прямо по дороге в Госпел-Оук. Некоторые считают его Хэмпстедом, но никогда не говорите этого настоящим жителям Хэмпстеда. Для них Госпел-Оук – это нечто совершенно далекое, как Луна.

И все же это не так далеко, как пригород с гольф-клубом, куда переехала моя сестра, когда вышла замуж за своего крутого адвоката Мартина.

И как неизбежно было то, что я выйду замуж за соседского мальчика, так же неизбежно было то, что Изабель выйдет замуж за деньги. И переедет жить в какое-нибудь шикарное место. Она всегда придавала больше значения статусу, чем сантиментам.

И вот здесь, на Хэмпстедской вересковой пустоши, лицом к лицу со своей судьбой, я погружаюсь в свое прошлое – единственное, что когда-либо знала по-настоящему. Я шагаю по этой обширной парковой зоне, и капли утренней росы хлюпают под ногами, как будто рядом кто-то причмокивает, наслаждаясь хорошим бифштексом. Осенние листья цепляются за ветви деревьев последними усилиями – все цвета золота, красного и оранжевого в лучах восходящего солнца. Прекрасный день. Кажется, теперь я смотрю на мир другими глазами; ценю истинную славу цвета, прежде чем он поблекнет до серого и станет перегноем, чтобы освободить место для весны и новой жизни. Мне приходится признать с неохотой, что я не увижу следующей весны, и меня захлестывает волна печали.

¹⁰ *Vale of Health* – долина на территории Хэмпстеда.

Однако я стараюсь отбросить негативные мысли и сосредоточиться на красоте и тишине. И тут мое внимание привлекает высокий мужской силуэт. У него впечатляющая фигура, отчетливо видимая в лучах солнца, золотящих окружающий ландшафт. Я надеюсь, что это собачник. Однако рядом с ним нет никакой собаки. Во мне просыпается женское начало. Когда он подходит ближе, я чувствую себя неловко, думая, что мне следовало, возможно, пойти по другой тропинке, но я не хотела быть слишком заметной.

Мы приближаемся друг к другу, и я вижу, что у него темные вьющиеся волосы, развевающиеся над приподнятым воротником хорошо скроенного черного бушлата. Конечно же, он слишком ухожен, чтобы быть опасным, успокаиваю я себя.

В любом случае он погружен в свои мысли и даже, кажется, не замечает меня, так что мне сразу становится стыдно за необоснованные подозрения. На самом деле он довольно красив, и я отвожу взгляд, пожалев, что не нарядилась и не уложила волосы.

Мысленно смеясь над своим тщеславием, я продолжаю идти, не зная, как лучше пройти мимо него: смотреть куда-то вдаль или лучше в землю? Удивительно: порой не знаешь, куда девать глаза на таком огромном открытом пространстве.

И прежде чем я успеваю принять решение, незнакомец вдруг говорит:

– Доброе утро! Милая у вас шляпка.

Я касаюсь головы, словно не помню, что на мне надето... А-а, берет.

– Спасибо, – откликаюсь я, опустив голову и пряча улыбку.

– Прекрасный день! – продолжает он и останавливается, что заставляет меня остановиться тоже.

– Да, – говорю я. – Так красиво. Холодно только. – Боже, это звучит, как будто я жалуясь?

– Что привело вас сюда в этот час? Где-то тут ваша собака? – Он оглядывается по сторонам.

– У меня нет собаки, – отвечаю я, гадая, так ли выглядят серийные убийцы. – У вас тоже?

– У меня тоже, – признает он. – Мне просто нужно было прочистить мозги, подышать свежим воздухом. Выдалось трудное утро.

У него обаятельная улыбка, мгновенно чарующая.

– Честно говоря, приятно с кем-то поболтать. Я был так погружен в свои мысли, что казалось, схожу с ума.

– Забавно, и у меня то же самое, – замечаю я.

Если он и серийный убийца, то очень симпатичный, надо признать.

– Слава Богу, что вы понимаете, – произносит он, – и не думаете, будто я чокнутый.

Я ощущаю неловкость.

– О, я понимаю... – говорю я.

– А вы отчего сходите с ума?

Ответ сам слетает с моего языка. Непонятно почему. Из-за его голоса? Его улыбки? Из-за моей потребности в очищении?

– Ну, если вы действительно хотите знать, мне осталось жить семьдесят девять дней.

ЧТО? Зачем я это сказала? Даже если не брать в расчет мою точность (спасибо, календарь), почему я выложила это незнакомцу?

Я могла сказать что угодно. Проблемы на работе. Просроченная кредитная карта.

Кажется, я нашла верное средство обрывать разговоры. Незнакомец выдыхает с неподдельной растерянностью:

– Это ужасно!

И смотрит на меня в потрясении. Я отвечаю таким же взглядом, прикусив губу и жалея, что не могу вернуть вырвавшихся слов. Кажется, они, как в комиксах, пылают в огромном пузыре над моей головой.

– Не очень, – продолжаю я. – Извините. Мне не стоило говорить это. Я не искала сочувствия.

На его лице появляется выражение сострадания.

– Это просто... я постоянно думаю об этом...

– О, могу себе представить. Это естественно, так что не извиняйтесь. Я рад, что вы мне рассказали. Это я должен извиниться.

Выражение его глаз внушает доверие. Мы смотрим друг на друга, не очень понимая, как себя дальше вести.

А затем происходит нечто чрезвычайно удивительное, как будто кто-то другой взял на себя ответственность за ситуацию: я вдруг резко шагаю к нему и целую. В прямом смысле.

Прямо здесь! Я вижу его удивленное лицо и целую в полуоткрытые губы.

И знаете что? Он целует меня в ответ!

Да!

Он делает это!

И вдруг мы оказываемся будто склеены в единое целое: обнимаемся, целуемся, и он обхватывает меня, согревая от холодного воздуха. Поцелуй все длится. Мучительный, бесконечный. На его губах вкус сигарет и мяты. Мы раскованы друг с другом так, словно давно знакомы.

Он поднимает меня и, закружив, переносит под защиту массивного бука, сбрасывает с меня шляпку, проводит рукой по волосам. Мы падаем на землю, и наши губы неохотно размыкаются, когда я кладу голову на его грудь.

Амбровый запах от его мягкого шерстяного джемпера смешивается с ароматом его кожи, который еще сильнее меня возбуждает.

Он обнимает меня и вновь притягивает к своему лицу, разворачивает так, что я оказываюсь рядом с ним на траве на боку, прижатая к его телу. Глядя мне в глаза, он гладит меня по щеке, а потом опять находит губами мои губы.

Он пробуждает давно забытую часть меня: моя кожа отзывается на его прикосновения, когда он снимает с меня одежду, а мои руки, в свою очередь, раздевают его. И наш земляной матрас, грубый и бесформенный, становится для нас мягче пуховой перины.

Мы путаемся в одежде друг друга, шарфы и ремни, пуговицы и крючки превращаются в сложные творения рук человеческих, от которых необходимо поскорее избавиться. И когда нам это удастся – довольно неуклюже, но быстро, – мы прижимаемся друг к другу обнаженной кожей.

Между поцелуями мы смеемся, глядя друг другу в глаза; удивительное очарование перевешивает чувство осторожности и страха.

Никогда раньше я не чувствовала себя такой свободной.

– Все нормально?

– Да, – выдыхаю я.

– Могу я?..

– Да.

Случается неловкий момент, когда он входит в меня, но потом его руки переплетаются с моими, и мы смотрим друг на друга без смущения, улыбаясь, смеясь, целуясь и занимаясь любовью, как это всегда и бывает. Как и должно всегда быть. Он обхватывает мои ягодицы, защищая меня от трения о землю, и новый угол моего таза только усиливает ощущения.

Я в полной гармонии с его телом, мой разум погружается в ритм каждого пульсирующего толчка. Мое дыхание учащается, кровь бурлит во мне – такой живой, ожившей, пока все мое тело не содрогается и я не кричу, забываясь и освобождаясь от тысячи горестей. Когда он кончает, то зарывается лицом в мои волосы и долго рычит от наслаждения, прижимаясь к моей коже. Он целует мою шею, а потом всей тяжестью своего тела наваливается на меня.

Мы обнимаем друг друга, и стук наших сердец, наше учащенное дыхание – единственное, что нарушает звенящую тишину, прежде чем он шепчет мне на ухо:

– Черт, это было здорово!

И я отвечаю:

– Да, круто. – Правда, я не уверена, что говорю это вслух, потому что в этот момент широко улыбаюсь.

Он прижимает меня к себе, как будто не собирается никогда отпускать, и я не хочу, чтобы он отпускал, но затем...

– Я больше не могу дышать, – говорю я, вдруг ощутив его тяжесть.

Он издает негромкий смешок и откатывается в сторону.

– Так хорошо? – говорит он, улыбаясь.

– Лучше, чем хорошо.

– Забавная штука секс, верно? – Его голос кажется невероятно успокаивающим.

– Я ни с кем раньше так не веселилась.

– О, дорогая, ты из тех девушек, которые обычно не зажигают свет?

– Да, – хихикаю я. – Наверное.

Он подхватывает мой сброшенный берет и кладет мне на лицо, прикрыв им глаза.

– Теперь ты счастлива?

После дней и ночей одинокого самоанализа этот интимный незнакомец заставляет меня улыбнуться. Он убирает берет и нежно целует меня в каждое веко.

Мы лежим под тяжелыми осенними ветвями, улыбаясь свету, пробивающемуся сквозь листву. Я размышляю о случившемся, удивляясь тому, что чувствую себя так комфортно.

Все произошло так, будто мы были совершенно одни – мы даже не подумали о прохожих. Прохожие! Они вполне могли бы здесь появиться. Но нас бы ничто не остановило. Даже угроза ареста.

Я вздрагиваю.

– Замерзла? – спрашивает он.

– Немного дует, если честно.

Он накрывает меня своим пальто.

Наша перина теперь снова превратилась в бесформенную грудку одежды и грязи, а вместо моей пуховой подушки опять его рука.

Я чувствую, что пора привести себя в порядок, и нашариваю свои трусики. Он следует моему примеру – подтягивает трусы, спущенные до лодыжек, надевает брюки.

– Кажется, на мне половина всего здешнего вереска, – замечает он.

– А на мне другая половина, – смеюсь я, незлегантно стряхивая песок.

Он сует руку в карман пальто, достает смятую пачку «Мальборо», вытаскивает одну сигарету и зажигалку «Бик». Щелкает колесиком. Пламя зажигается не с первой попытки, но наконец он закуривает, глубоко затягиваясь. Его скулы выглядят острыми и четкими, утренняя щетина это подчеркивает.

Он протягивает мне сигарету, и я беру ее, как будто это самое обычное, что я когда-либо делала. Из всех сил стараюсь не выставить себя идиоткой, я посасываю фильтр, полная решимости не дать проклятой штуке погаснуть.

Он усмехается:

– Ты никогда не курила, да?

– С чего ты взял?

– Несложно догадаться.

Я улыбаюсь:

– Теперь это звучит глупо, но я всегда боялась, что это может меня убить.

Я смотрю на сигарету и делаю еще одну затяжку. И, словно в подтверждение его слов, поперхнувшись дымом, захожусь в приступе кашля.

– Дыши.

– Я пытаюсь.

Он смотрит мне в лицо, посерьезнев:

– Ты смеешься, плачешь или задыхаешься?

– Не знаю, – бормочу я и сажусь, услышав в отдалении топот ног пары бегунов. Кашель от испуга сразу проходит.

– Ущипни меня, – говорю я. – Мы действительно это сделали?

Он тянется ко мне и убирает прядь волос с моего лба, потом гладит ладонью по щеке.

– Действительно сделали, – подтверждает он. – И это было прекрасно.

Я чувствую, что краснею.

– Да, именно так.

– И я очень сочувствую по поводу твоих новостей. Искренне.

– О, не бери в голову. Ты сделал мой день. А у меня ведь каждый день на счету.

– Не стоит их считать, – советует он, мрачно потрянув своими растрепанными волосами. –

Тебе надо просто жить ими.

Он забирает сигарету из моих неопытных рук, снова зажигает ее, глубоко затягивается и возвращает мне, словно решив предоставить второй шанс.

– Наверно, я пас.

Он вскидывает брови, улыбнувшись, и ложится на спину. Зажав сигарету губами, он смотрит сквозь густые ветви на кусочки ясного голубого неба.

– По крайней мере, теперь ты можешь делать все это.

– О чем ты?

– Ты знаешь, – после паузы отвечает он. – Все, что, как ты думала, могло убить тебя.

Внезапно я вспоминаю о письмах – смелых, честных, безрассудных словах, которые, возможно, уже находятся в руках адресатов, и вздрагиваю.

Он тянет меня назад, снова укладывая рядом с собой, принимая в теплый изгиб своего тела.

– Для начала ты можешь стать восьмидесятидневным курильщиком, – продолжает он с улыбкой, выпуская колечки дыма изо рта. – Я тебе в этом завидую. – Он поворочивается ко мне с прилипшей к нижней губе сигаретой. – Хм-м. Люблю это дело.

– Тебе нужно запретить курить! – восклицаю я.

– Мне?

– Да! Потому что ты делаешь курение привлекательным. Позволять курить на публике надо только людям вроде меня. Я стала бы лучшим предупреждением из всех возможных. Все бы смотрели на меня и думали: «Господи, как она неприятна! И воняет дымом».

Он одобрительно смеется, как будто я самый забавный человек на Земле. Меня не волнует, если он притворяется.

– Я воняю дымом? – спрашивает он.

– Мне нравится, как ты пахнешь.

Он фыркает:

– Мне бы стоило бросить.

– Да, – соглашаюсь я, но затем морщусь. – Боже, я говорю как ужасная ханжа, да?

Он поводит рукой по сторонам, как бы указывая на отсутствие вокруг нас стен спальни, и ухмыляется:

– Нет, ты не ханжа.

– О да, – соглашаюсь я. – Ты не представляешь, как это смело. Я никогда не делала ничего подобного раньше. Не говоря уж об отсутствии предохранения.

Эта мысль только сейчас приходит мне в голову, но кому теперь нужно предохраняться?

– На самом деле это не в моих привычках, – заверяет он.

– Но ты не производишь впечатления обычного человека. В отличие от меня. Всю свою жизнь я придерживалась правил безопасности. Ты освободил меня от этого, и мне действительно нужно было это сделать. Чтобы узнать, каково это. – Я переворачиваюсь на живот, приподнимаюсь на локтях и пристально на него смотрю. – И ты заставил меня кое-что понять.

Он приподнимается рядом со мной, задев меня локтем.

– Я?

– Да... Когда я сказала тебе, что умираю, это освободило меня для жизни.

Он печально вздыхает и сминает окурок в траве.

– Обращайся.

Мы встаем на ноги, и он спрашивает мой номер, но я отвечаю, что ему нет нужды быть вежливым.

– Я не из вежливости спрашиваю, – возражает он. – Я на самом деле хочу снова с тобой встретиться! – Он пытается отряхнуть мокрую траву и грязь с мятых брюк.

– Какой в этом смысл?

– Да брось, – настаивает он. – Давай еще встретимся. Мы можем делать вместе и другие штуки. Ходить в музеи, кино, пабы. Ходить на свидания, как будто завтра никогда не наступит, извини за каламбур. Жить сегодняшним днем, насыщенно, втискивая в него все, что угодно! Или мы можем просто, ну, ты знаешь... – Он нахально усмехается, наклонив голову: – Трахаться!

Я смеюсь, слегка шокированная его откровенностью. Мне положительно нравится этот человек! Это сильное искушение.

– Соглашайся, – продолжает он. – А иначе чем ты будешь заниматься? Загибать пальцы, считая дни?

Да, я бы очень хотела, чтобы кто-то обнимал и успокаивал меня в темные одинокие часы, но наверняка это не то, что он ищет.

Кроме того, зачем ему связываться с женщиной, которой не дотянет даже до следующего сезона?

– Нет, – отвечаю я. – Давай оставим все как есть. Зачем портить момент?

– А я бы хотел улучшить его. Для начала отыскать матрас и чистые простыни. Звучит заманчиво, верно?

Я улыбаюсь. Это привлекательно, правда.

Но я решаю сделать ему любезность: избавить от того, в чем он на самом деле не захочет участвовать.

– Да. Но это было нечто особенное... Я бы предпочла запомнить все именно так.

Он пожимает плечами:

– Твой выбор. – Он смотрит на меня так, будто ясно видит мои сомнения. – Ты уверена, что я не смогу переубедить тебя?

Я киваю:

– Конечно. – Хотя на самом деле я никогда не чувствовала большей неуверенности.

Мы обнимаемся, как друзья, которыми могли бы стать.

– Не старайся быть слишком хорошей, – произносит он. – Знаешь, иногда ты можешь позволить себе слететь с катушек.

– Я буду стараться изо всех сил.

Боже, какой он проницательный! Черт бы его побрал...

Я беру свой берет и иду прочь, прижимая его к груди, словно отпечаток руки незнакомца на нем может таким образом остаться со мной навсегда.

Чем дальше я уйду, тем больше чувствую опустошенность. Разве это не безумие – ведь я знаю его меньше часа? Это то, на что теперь будет похожа моя жизнь?

Полная потеря и прощаний?

Наверно, он смотрит мне вслед – я буквально спиной ощущаю это, но не поддаюсь желанию обернуться. Вдруг я ошибаюсь?

Мне нравится думать, что он держится взглядом за мой удаляющийся силуэт так же, как я держусь за отпечатки его рук на берете. Больше всего мне хочется верить, что я оставила у него неизгладимое впечатление, потому что это все, что я могу ему дать.

Я смотрю на себя в зеркало лифта по пути в офис, приняв душ, переодевшись и убедившись, что вся трава и песок исчезли из моих волос.

Это сильно заметно? Может, коллеги посмотрят на меня и поймут, что я выгляжу как-то по-другому? Или мои волнения просто смешны? В конце концов, если они не могут разглядеть мою болезнь, едва ли заметят, что я совершила нечто необычное.

Может, меня выдаст улыбка? Глупость. «Забудь это». И все же я чувствую, что что-то во мне изменилось – в глазах появился какой-то проблеск вызова, что ли. Да, я умираю. Да, это ужасно. Но я не собираюсь поддаваться этому ужасу. Мне понравилось писать эти письма. Я собираюсь и дальше «слетать с катушек». Я прокручиваю события этого утра в голове. У меня случился секс с незнакомцем в общественном месте! Я сделала это! Я! Самый что ни на есть законопослушный гражданин! Ради всего святого, нас же могли арестовать. Но обошлось – нам повезло. И я чувствую себя иначе. Больше нет отрицания, злости и страха. Принято.

Подождите минутку! О чем я думаю? Не могу же я, право, заниматься сексом с незнакомцами только на том основании, что у меня неизлечимая болезнь. Но, знаете... это стало чем-то вроде освобождения. И я рада, что действовала импульсивно, потому что в тот момент это показалось верным. Однако я никому не могу рассказать об этом случае – ни Пэтти, ни даже Оливии. Если расскажу, это может утратить свою чарующую магию. Нет, лучше оставить все при себе, как часть найденного сокровища. Я доказала, что способна быть дикой и бесстрашной, – но пусть знают об этом буду только я.

Я убираю пальто на вешалку, сажусь за стол, достаю из сумки телефон и смотрю на экран. Ничего. Ни пропущенного звонка, ни сообщения от кого-то из моих адресатов. Даже от сестры ничего нет. Интересно, что бы Изабель сказала о моем утреннем приключении? Она всегда считала меня конформисткой. Расскажу ли я ей когда-нибудь? Скорее всего, нет. Но мне бы хотелось – пусть даже лишь для того, чтобы поколебать ее точку зрения. Говорят, младший ребенок бывает обычно энергичнее и увереннее, но я утверждаю другое: младший просто занимает место, оставленное старшим, а Изабель заняла лучшие места.

Необычайно хорошенькая, она могла только улыбнуться – и получала все, что хотела. На четыре года старше меня, она казалась очень развитой и ответственной.

В нашем доме Изабель пользовалась особыми привилегиями, ну а ее проступки попросту не замечались.

Если Изабель получала плохую оценку в школе (что происходило нередко), это, казалось, не имело значения. Но если я осмеливалась принести домой не высшую отметку, мне всегда за это попадало.

«У Изабель есть внешность, а у Дженнифер есть мозги», – говорилось так регулярно, что стало уже привычным.

И, конечно, моей сестре это утверждение льстило – она не была слишком скромной, – в то время как мне приходилось глотать его как горькую, но якобы необходимую пилюлю.

Не поймите неправильно – мои родители вовсе не были какими-то пытавшимися разделить нас тиранами. Уверена, они видели в этом похвалу наших сильных сторон, стремясь

ободрить нас, подобно всем прочим родителям. Однако они не были похожи на других родителей – во всяком случае, на либералов из Хэмпстеда.

Они были глубоко консервативными и опирались на образцы воспитания из собственного детства, пришедшегося на послевоенные годы. В нашем доме не было и следа от прогрессивного мышления свингующих шестидесятых¹¹.

Мой отец был адвокатом. Его имя стояло после «и» в названии фирмы, а моя мать, покинув колледж Питмана, сразу же стала его секретаршей.

Когда они поженились, мама считала себя самой счастливой женщиной в округе. Она подчинялась ему во всем, и мой отец должным образом вознаграждал ее одинаковым еженедельным пособием, которое она никогда не превышала. Помня о трудностях нормирования¹², даже когда оно ушло в прошлое и эти маленькие синие книжечки порвали и выбросили, мои мать и отец жили очень скромно. Они были сумасбродны только в своей любви. Друг для друга они заменяли целый мир и всегда ставили свои отношения на первое место. Потом появилась моя сестра. Потом я. Существовала определенная иерархия, и для нас это было привычно и нормально. Любое упоминание о любимчике считалось смехотворным. Наша семья держалась на гармонии и уважении. Таким образом, родители запечатлели свои дисциплинированные убеждения в наших ДНК, и я, будучи внушаемым человеком, следовала каждому их правилу.

А вот моя сестра не следовала. Изабель была довольно хитра и никогда не упускала случая извлечь для себя выгоду. Заметив мою добросовестность, она решила, что из меня получится отличная рабыня, и я добровольно на это согласилась. Я делала это не совсем из чистого альтруизма, потому что как ее рабыня я могла находиться рядом с ее друзьями, пока что-то приносила, или уносила, или выполняла их приказания.

Я была в таком благоговении, что с радостью выполняла все необходимое, лишь бы остаться в их компании.

«Расчеси нам волосы!» – говорили они, и я послушно обходила всех по кругу с расческой фирмы «Мэйсон Пирсон», действуя мягко или твердо – в зависимости от того, как меня инструктировали.

«Сходи на кухню за печеньем».

«Принеси бутылку сквоша¹³ и кувшин воды».

«Принеси несколько банок газировки».

Кстати, мама была как бы соучастницей моего рабства, потому что готовила поднос, в то время как я ходила туда-сюда, вверх и вниз по нашей узкой викторианской лестнице, жонглируя их заказами и прикусив язык, отчаянно боясь упасть или пролить что-нибудь на светло-бежевый шерстяной ковер и навлечь на себя мамин гнев.

«А теперь иди и принеси еще!» – Изабель раздавала мне указания, а я бежала их исполнять. Причем мне никогда не разрешалось посидеть среди них или попробовать угощения, которые я клала к их ногам.

Эмили, в то время моя ближайшая подруга и по соседству, и по сердцу, присоединялась ко мне в моем углу, и мы сидели, держась за руки и с обожанием глядя на Изабель и ее друзей, которые казались нам олицетворением утонченности.

Когда Изабель стала подростком, наши родители в своей беспристрастной мудрости решили, что пришло время сделать ремонт в наших комнатах. Мама принесла домой каталог с

¹¹ *Свингующий Лондон* – термин, относящийся к активному культурному направлению в Великобритании, с центром в Лондоне, во второй половине 1960-х годов. Это было молодежно-ориентированное явление, которое придавало особое значение новому и современному. Это был период оптимизма, культурной и сексуальной революций.

¹² Во время Второй мировой войны в Великобритании была введена карточная система выдачи продовольствия и хозяйственных товаров – мыло, зубной порошок, бензин, уголь. Карточки на сахар и сладости продержались до 1953 года, а на мясо и другие продукты – до 4 июля 1954 года.

¹³ Есть разные виды сквоша – слабоалкогольный и безалкогольный: сок цитрусовых, разведенный из концентрата.

обоями от Лоры Эшли¹⁴, который она одолжила, и, судя по выражению лица Изабель, это была самая захватывающая книга, которую она когда-либо видела.

Потом мы сели вместе с сестрой за старым сосновым кухонным столом с каталогом Лоры. Чтобы усилить эффект, родители дали пакет конфет на двоих и предложили выбрать дизайн, который нам больше всего понравится.

– Можешь взять их себе, – Изабель подтолкнула ко мне конфеты. – Никому не будет дела, если ты станешь толстой и прыщавой.

Мешок остался нетронутым, но ах, каким желанным...

Может, чтобы смягчить эту подлую насмешку, сестра неохотно сказала, что я могу выбирать первая, – и подобная щедрость была для нее весьма нехарактерна.

Я сразу же выбрала рисунок с синими и желтыми цветами, прежде чем она успела передумать.

– Это так по-детски, – небрежно произнесла Изабель. – Неудивительно, что ты выбрала именно это.

Потом она указала на бордово-грязно-зеленую неровную полоску, которая мне не особо приглянулась, но, так как я считала ее вкус лучше моего, я сказала маме, что именно такой дизайн мне и нужен.

Наконец, когда наши комнаты были отремонтированы, моя выглядела скучной и благо-разумной, а Изабель – яркой и волнующей... с синими и желтыми цветами.

– Я хотела этот узор, – простонала я. – Почему он достался Изабель?

– Я купила вам именно те обои, которые вы выбрали, – простодушно ответила мама.

– Изабель выбрала для меня эти, а я хотела цветы, но она сказала, что они детские...

– О, не ной, Дженнифер, – попросила мама. – Твоя комната выглядит прекрасно. Она отражает твой характер. Думаю, Изабель сделала для тебя правильный выбор. У нее хороший глаз.

Мне захотелось врезать по этому хорошему глазу.

– Изабель... – подошла я к сестре попозже, неуверенно глядя на ее отражение в зеркале, пока она прихорашивалась, сидя за туалетным столиком. – Может быть... может, нам стоит поменяться комнатами?

– Дженнифер! – перебила она. – Может быть... может, тебе просто нужно было родиться первой?

Так что я пошла и упала на пол в своей спальне, глаза на бордовые и грязно-зеленые полосы и гадая, что же они говорят о моем характере.

Эмили заверила меня, что моя комната выглядит чудесно.

– Классно. Так по-взрослому, – говорила она, хотя я видела, что, когда мы заглянули в комнату Изабель, она была впечатлена куда больше.

– На что вы, идиотки, уставились? – поинтересовалась Изабель.

– Твоя комната такая красивая, – сказала ей Эмили.

– Я знаю, – сообщила она. – А теперь проваливайтесь.

Свои врожденные навыки Изабель вскоре перенацелила на парней, которые начали за ней ухаживать.

Она вертела ими как хотела, обводила вокруг пальца и грубила – а они отвечали ей обожанием.

На самом деле все мы преклонялись перед ней, несмотря ни на что; Изабель умела заставить нас побегать вокруг нее и даже быть за это благодарными.

А потом пришел мой черед. Нейл Абернати. Моя первая любовь.

¹⁴ Модный бренд, первоначально одежды, а позже – мебели и аксессуаров для дома.

Для меня Нейл стал «тем самым, единственным», в соответствии с поговоркой: «Первая любовь всегда самая сильная».

Мы познакомились в университете. Он жил в том же крыле: его комната находилась чуть дальше по коридору от моей. Я сразу же заприметила его – благодаря волосам.

В то время как большинство студентов мужского пола отращивали маллеты¹⁵, кося под Патрика Суэйзи, или дурацкие густые челки, у Нейла были длинные блестящие волосы, которые развевались, как занавес, над плечами.

Он показался мне безумно привлекательным. К сожалению, он не обратил на меня внимания. Но однажды, ближе к концу второго семестра, моя подруга потащила меня на студенческое собрание, где выступал Нейл.

После собрания он подошел ко мне и завел беседу, и я была так польщена, что тут же записалась в лейбористы, хотя никогда особо не задумывалась о политике – это казалось неподходящей темой даже для домашних разговоров.

Посетив несколько политических собраний, я получила то, что хотела. Мы с Нейлом стали любовниками, а вскоре – и парой.

Рядом с ним я почувствовала себя гламурной и дерзкой, и я знала, что это был мужчина, с которым я хотела бы провести всю жизнь.

На пасхальных каникулах последнего года обучения я привела Нейла домой, вызвав неодобрение родителей (наверно, втайне я этого желала).

Естественно, нам не разрешили ночевать в моей спальне, поэтому Изабель с радостью отправилась к своей подруге Миранде, а Нейл остался в ее сине-желтом цветочном будуаре.

– Я не буду спать здесь, – заявил он, откинувшись на ее гору пышных ситцевых подушек, сбросив кроссовки и похлопав по кровати, чтобы я к нему присоединилась. – В полночь я приду к тебе.

– Ты должен спать здесь, – возразила я, сидя на краешке матраса и разволновавшись из-за его предложения. – Родители выгонят меня, если обнаружат, что ты прокрался в мою комнату.

– Я буду тихим, как мышь.

– Даже не думай об этом.

– Ну, если тебя выгонят, ты сможешь жить со мной. Хотя, ты и сейчас живешь со мной.

– Пожалуйста, не надо. Мне будет слишком неудобно... знаешь, в любом случае. Не стоит этого делать.

– Господи! Да что с тобой? Покажите взрослой женщине ее детскую спальню, и она снова станет ребенком.

– Это всего на несколько ночей.

Нейл в итоге нехотя, но согласился.

А я была разочарована тем, что Изабель не было рядом и я не могла представить ей моего первого официального парня. Моего любовника. Я хотела показать ей Нейла так же сильно, как хотела показать ее ему.

К счастью, ее любопытство взяло верх, и в наш последний вечер она пришла на ужин. Мне нравилось смотреть, как она глядит на Нейла, когда он говорит о политике, рассуждает о заслуженном падении Тэтчер и о том, что это правительство состоит из идиотов, в то время как лица родителей буквально вытягивались. Я поняла, что он сумел впечатлить Изабель, хотя и не был ее типом (она встречалась с яппи¹⁶, имеющими крутые автомобили и толстые кошельки).

¹⁵ *Маллет* (англ. mullet – кефаль) – тип прически (стрижки). Волосы пострижены коротко спереди и по бокам, а сзади остаются длинными. Американцы говорят о маллете: «Деловая спереди, неформальная сзади». Маллет носили как мужчины, так и женщины.

¹⁶ *Яппи* – субкультура молодых людей, добившихся высоких результатов в работе еще в молодом возрасте и являющихся бизнес-элитой современного социума.

Но что мне действительно нравилось – так это то, что Нейл особо не смотрел на нее. Это только возвысило его в моих глазах, и моя уверенность в себе окрепла. Но оказалось, люди могут лгать.

Нейл провел свою последнюю ночь не в одиночестве среди цветов и украшений Изабель. Хорошо хоть родители не заметили того, что происходило на их глазах. Они не спросили, почему моя сестра появилась утром за завтраком, раскрасневшаяся и взъерошенная, вполне удовлетворившись ее объяснением, будто она пришла пораньше, чтобы попрощаться.

Конечно, если бы на ее месте была я, они бы наверняка все поняли и отправили меня в монастырь.

На обратном пути в университет мне пришлось провести два часа в переполненном вагоне, слушая, как Нейл заявляет о своей вечной любви к Изабель, наблюдая, как он ведет себя, словно влюбленный идиот, умоляя простить его и говоря, что он меня недостойн, а я заслуживаю лучшего.

Но я видела правду сквозь все его фальшивые угрызения совести. Он ничем не отличался от прочих. Он завоевал главный приз в виде моей сестры и наслаждался каждой минутой.

Последние несколько недель последнего семестра я провела в своей комнате, будто в одиночной камере, рыдая, готовясь к экзаменам и по возможности избегая своей некогда настоящей любви.

Вернувшись летом домой, я наконец набралась смелости сказать Изабель, как сильно она меня обидела. Она же посмотрела на меня и засмеялась.

– Ты серьезно думаешь, что он встречался бы с кем-то вроде тебя? – саркастично поинтересовалась она. – Это был всего лишь вопрос времени. Не я, так другая. Но лучше сохранить это в семье, тебе не кажется?

По крайней мере, у нее хватило совести спрятать открытки, которые присылал ей Нейл (мама сочла нужным рассказать мне о них).

Когда Изабель вышла из дома, я прокралась в ее комнату, нашла их под подушкой и заплакала над словами, которые когда-то Нейл адресовал мне.

Вдобавок к моим страданиям я сдала экзамены довольно посредственно. Предполагалось, что я закончу университет с отличием – но реальность разрушила эти ожидания. Родители были разочарованы, а еще больше была разочарована я сама.

Я закрылась в своей спальне, отказываясь от предлагаемой матерью еды и валиума. Я предпочитала мучить себя, слушая Марайю и Уитни – все романтические мелодии, которые уже привыкла считать «нашими».

Естественно, вскоре Изабель бросила Нейла, как отбрасывают арбузное семечко. Это не улучшило моих чувств ни к ней, ни к нему.

Нейл разбил мне сердце, но в юности ты можешь склеить сердце обратно. Изабель же разрушила мое доверие, а когда ты теряешь доверие, восстановиться намного труднее.

Кроме потери моих нерожденных детей, хрупкая нечестность отношений с сестрой – одна из наибольших печалей в моей жизни. И все же до сих пор я никогда не осмеливалась признаться ей в этом.

Мои мысли возвращаются обратно в офис, и я автоматически проверяю телефон, как будто что-то могло прийти от Изабель, пока я вспоминала о ней.

Но как мы можем думать друг о друге в одно время, если мы даже не на одной волне? Если подумать, я определенно не призналась бы ей, что занималась сексом на пустоши. Она, наверное, даже глазом не моргнула бы при этом известии – и все же, несомненно, нашла бы способ испортить мое воспоминание.

День 75-й

Дни проходят без происшествий, и я болезненно осознаю тишину, встретившую мои письма. Еще одни выходные. То, что когда-то было счастливым облегчением, временем для друзей и отдыха, стало временем страха.

Я понимаю, как важна отвлекающая работа, потому что без нее я теряюсь. Я много сплю, чтобы спрятаться от себя, потому что, предоставленная сама себе, ощущаю переполняющий душу страх.

Я чувствую себя одинокой и изолированной, хотя, в какой-то степени, сама в этом виновата. Например, сегодня я отклонила приглашение Оливии на поздний завтрак.

– Тебе нужно развеяться, – сказала она, – где-нибудь подальше от офиса. Дэн хочет угостить нас старым добрым английским завтраком. Давай, Джен! Сосиски, печеная фасоль, тосты. Разве ты это не любишь?

– О! Нет, спасибо, Лив. Спасибо Дэну, но я больше не смогу выносить субботнюю толпу. Слишком уж все это шумно.

– Мы можем пойти в какое-нибудь тихое место.

– Где ты сейчас найдешь тихое местечко? В Ковентри, где с тобой никто не разговаривает?

Оливия засмеялась.

– Но я беспокоюсь о тебе, ты там совсем одна. Что ты делаешь?

– То да се, – ответила я. – Наслаждаюсь газетами.

– Господи! Чем там в наши дни можно наслаждаться? Да брось. Пойдем лучше с нами.

– Я в порядке. Правда, – солгала я.

– «Я в порядке» со мной не прокатит, – заявила она. – Я понимаю твоё нежелание находиться среди шума и людей, но если тебе понадобится компания – позвони мне, и я буду рядом.

Вот что такое настоящая дружба – когда кто-то может видеть главное через всю шелуху.

Я провожу вечер за просмотром телевизора, но на самом деле не вникаю в то, что показывают на экране. Я почти полностью погружаюсь в собственные мысли, гадая и удивляясь, почему же я так мало значу для всех, кроме Оливии. Интересно, что я буду чувствовать завтра? И когда эта слабость в моей крови в конце концов одолеет меня?

Да, я понимаю, что уныние только вредит и усиливает мою болезнь, но временами ничего не могу с этим поделать. Иногда просто не получается быть храброй...

Я хватаю подушку и прижимаю ее к груди, пытаюсь сосредоточиться на телевизоре. Но картинка плывет. Все плывет...

Вдруг откуда-то доносится шум.

Я оглядываюсь, пытаюсь определить источник звука, а затем понимаю, что это мой телефон. Ужасно неохота подниматься с дивана. Кто может звонить ночью в субботу?

Сначала я хочу проигнорировать звонок, но потом передумываю и решаю ответить, пусть даже это робот, считающий меня участником какой-нибудь автоаварии, несмотря на то что я вообще не вожу.

И откуда у этих типов мой номер? Я неохотно вылезаю из кокона подушек и иду на звук, в конце концов поняв, что доносится он из моего кресла.

Должно быть, я бросила мобильный, и он проскользнул в щель между подушками. Я вытаскиваю его. И тут же звонок прекращается. Вот так всегда!

Я смотрю на экран, и у меня екает сердце. Это был не «холодный звонок» от робота с незнакомого номера. Это была Изабель.

Изабель!

Какая ирония! После нескольких дней навязчивых проверок телефона – я пропустила ее звонок.

Я чувствую прилив восторга, смешанного с трепетом. Я так хотела услышать ее – и все же, когда это наконец происходит, я паникую.

Я снова сажусь на диван, неотрывно глядя на экран телефона, будто он может сказать мне, почему она так долго не звонила. Сири! Почему моя сестра так долго выжидала? Она сердится? Или печалится? Или это просто стиль Изабель?

На самом деле я даже рада, что пропустила ее звонок. Мне необходимо подготовиться к разговору с ней. Остаться спокойной. Получить небольшую отсрочку. Хотя бы...

Раздается сигнал голосового сообщения.

Изабель оставила сообщение. Она никогда не оставляла сообщений!

Я слушаю голос сестры. Она плачет. Я слышала ее плач только один раз – на похоронах матери. А сейчас осознаю, что плачу вместе с ней.

«Дженнифер, – всхлипывает она. – Я только что прочла твоё письмо. Я просто в шоке. Мартин занимается почтой. Он оставляет письма для меня в общей куче, но я так рассеянна, что не сразу их разбираю. В любом случае это в основном скучные и неважные письма. Но твоё так важно! Если бы Мартин положил его сверху стопки, я узнала бы твой почерк и сразу бы его распечатала. Но он этого не сделал, так что я понятия не имею, когда ты его отправила. О Боже, Джен! Перезвони мне. Мартин, иногда я не верю...» – Изабель отключается.

Я тронута и сразу же решаю поговорить с ней, понимая, что она напугана и обеспокоена. Хорошо, что нашлось объяснение задержки с ответом.

Я вытираю слезы, делаю глубокий вдох и набираю её номер.

Изабель отвечает сразу же:

– Я так рада слышать твой голос! – говорит она, а затем заливается слезами. – Не могу поверить твоим новостям... – рыдает она – Мне очень жаль. Я же говорила, когда мы виделись в последний раз, что у тебя синие губы. Я чувствовала неладное, но не ЭТО!

– Пожалуйста, не плачь, Изабель.

Она подавляет рыдания и бормочет:

– Как ты? Если это не очень глупый вопрос?

– Удивительно, но хорошо. – Мой голос странно высок. Не похоже на меня.

Мое сердце норовит выпрыгнуть из груди.

– О, я так рада это слышать. – Изабель громко сглатывает. Её дыхание частое и неглубокое. – Дженнифер, а это... это... ну, ты знаешь...

– Это определенно смертельно, – подсказываю я, пытаюсь ей помочь.

– О, это ужасно... – Она громко сопит. Молчит какое-то время. – Но это... эм-м... оно наследственное?

Вот почему мне нужно было подготовиться к беседе с ней. Это даже забавно, разве нет? Насколько некоторые люди могут быть так беззастенчиво прозрачны.

Как они заботятся в первую очередь не о тебе, а о себе... Мне хочется напугать её и сказать: «Да, Изабель. Это наследственное! С материнской стороны». Но я не злая.

– Нет, – отвечаю я. – Это чистое невезение. С тобой все будет хорошо.

– Уф! – Она выдыхает с явным облегчением. – Понимаешь, я думаю не о себе, а о девочках.

– Конечно, – отзываюсь я. – Я все понимаю.

И хотя я действительно все понимаю, её облегчение становится для меня болезненным разочарованием, подтверждающим худшие опасения: что её заинтересовала только первая часть письма. Та часть, которая имела для неё значение.

– Что ж, я искренне сочувствую, Дженнифер. Честно. И я очень хочу с тобой встретиться. Нам нужно поговорить... ну, ты знаешь... о других вещах. Я... В общем, нам стоит поговорить.

Я с трудом сдерживаю восторженное восклицание. Значит, она прочла каждое слово. И открыта для обсуждения.

– Да! – говорю я. – Я бы очень хотела.

– О, хорошо, – произносит она. – Я боялась, что ты мне откажешь. Когда ты сможешь приехать? Сейчас? Нет, конечно, нет. Когда? У нас будет время пообщаться, да и девочки тоже будут рады тебя увидеть. В смысле, хоть ты и видела их на вечеринке, это было как-то мельком.

Пару месяцев назад я была на праздновании десятого дня рождения моей племянницы Софии. Именно тогда Изабель и сказала, что у меня синие губы.

Стоило бы ее послушать.

– Ты ведь сможешь выйти? – продолжает она. – Извини за этот вопрос, но ты не прикована к постели?

– Нет. Ну, пока нет.

– Отлично. Я вызову такси для тебя.

– Не стоит, я закажу «Убер».

– Не глупи, – возражает Изабель, – это будет стоить целое состояние. Позволь мне позаботиться о тебе. Я воспользуюсь карточкой Мартина.

Мне хотелось бы верить, что Изабель хочет проявить заботу, и, может, так оно и есть. Но если бы она действительно хотела обо мне заботиться, она бы приехала сюда сама, разве нет?

Правда в том, что она никогда ни к кому не ходит. Это к ней все должны приезжать. Я умираю, а она все еще полагает, что именно я должна ее навестить.

Честно говоря, мне это даже на руку. И хотя мне не особо хочется приезжать в ее великолепный загородный коттедж, это все же лучше, чем ее визит в мой дом. Дом, который она однажды охарактеризовала как «довольно милый», – и это после того, как мы с Энди только закончили ремонт.

Теперь же ремонт устарел, и я не желаю наблюдать за его недостатками ее глазами. Изабель ведь заметит и большую трещину под подоконником в гостиной, и потрескавшуюся штукатурку, и, несомненно, раскритикует шум изношенного котла, который никогда полностью не нагревает комнату. Я и так знаю, что моя жизнь отличается от ее собственного уютного совершенства, – и мне вовсе не нужно, чтобы она говорила об этом вслух.

Так что да.

В следующую пятницу я собираюсь в гости к Изабель. Она пришлет за мной такси и приготовит для меня ужин.

И это ощущается как первый положительный результат.

День 73-й

Пошла вторая неделя с установления моего нового рабочего расписания, и я вошла в ритм. Усталость теперь сопровождает меня повсюду – сейчас это моя новая норма. Но я рада, что получила весточку от сестры, и разочарована от того, что не услышала ни звука от Гарри, Энди и Элизабет. Я продолжаю напоминать себе, что не должна ничего ожидать.

Я убираю пальто на вешалку, проверяю телефон на случай, если кто-то из них звонил (новая привычка), затем уныло сажусь за свой стол.

Когда я включаю компьютер, в дверях появляется Пэтти.

– Тук-тук, – она входит, закрыв за собой стеклянную дверь, что сразу же меня тревожит.

– Как ты? В порядке? – спрашивает Пэтти.

– Да, в порядке.

– Я рада. Если ты говоришь искренне.

– Это так. Я приспосабливаюсь.

Она усаживается на стул напротив меня и наклоняется вперед, поставив локти на стол и нервно потирая подбородок.

– Слушай, не хочу тебя волновать, но мне кажется, люди начинают что-то подозревать.

– Ох. – Мое сердце замирает. – Но почему? Кто-то что-то сказал?

– Нет, – отвечает Пэтти, – просто люди чувствуют, интуитивно.

Я откидываюсь на спинку кресла.

– Пэтти, это потому что ты знаешь. Знание делает тебя подозрительной. Наверняка ты преувеличиваешь. Я встречаюсь с людьми, разговариваю, и все ведут себя нормально. Никто не в курсе про черную метку смерти на мне, кроме тебя.

Пэтти морщит лоб.

– Не уверена.

У меня екает под ложечкой.

– Ты ведь никому не рассказывала?

– Нет, нет! И не буду. По крайней мере, пока ты сама не разрешишь. – Она вздыхает и склоняет голову набок. – Но разве ты не хочешь, чтобы люди оказали тебе поддержку?

– Конечно, хочу. Но я выбрала тех, от кого желала ее получить. Так проще.

– Ну, тогда, наверное, я должна чувствовать себя польщенной. – Пэтти прикусывает нижнюю губу. – И разумеется, я буду хранить молчание. – Она делает паузу, во время которой я ожидаю неопровержимого «но». – Но я хочу, чтобы ты знала: я считаю тебя потрясающей.

Я улыбаюсь. Это не то «но», которого я ждала.

– Вовсе нет. Ты считаешь меня странной.

– И это тоже. Но потрясающе странной!

Мы дружно смеемся.

– Я бы хотела обнять тебя, – она смиренно улыбается, – но ты ведь решишь, что я слишком эмоциональна.

– Я бы тебе позволила, но могу слишком расчувствоваться, а этого хотелось бы избежать.

Пэтти шлет мне воздушный поцелуй:

– Возьми пока это.

Я протягиваю руку, как бы хватая его.

– Спасибо.

Я посылаю ей ответный поцелуй, однако она уже отвернулась и выходит, ссутулив плечи и печально опустив голову.

Это именно то, чего я не хочу видеть. Поэтому и выбираю секретность. С тяжелым сердцем я поворачиваюсь к экрану. День только начался, а я уже истощена.

Я все еще не приняла ни одной таблетки из тех, что прописал доктор Маккензи, твердо решив сдержать свою клятву, к добру или к худу. И пока мне не нужны пластыри с морфием.

Я должна встретиться с доктором в конце этой недели, хотя вряд ли расскажу о том, что избегаю лекарств, даже если это нормально для людей, которым осталось несколько месяцев жизни. Решив узнать об этом побольше, я пристрастилась к чтению некоторых блогов о смерти.

Их на самом деле очень много – стоит только начать искать. Иногда они полезны, иногда в них лучше не заглядывать, но благодаря им я чувствую, что не одинока. А это в свою очередь укрепляет мою решимость продержаться без лекарств, насколько смогу, потому что многие блогеры тоже выбрали жизнь без препаратов. Пока я еще в силах вставать, ходить, заваривать чай – я буду благодарна за это. Потому что подобные мелочи на самом деле очень важны. Они позволяют мне переживать каждый день.

По большей части я чувствую себя нормально, хотя стоит немного расслабиться – и плохие мысли тут как тут, независимо от моего желания. Поэтому я рада продолжать работать – так можно держать их на расстоянии.

Однако они не упускают удобного момента и, поджидая поблизости, атакуют меня по ночам, когда я вновь начинаю думать о письмах. Я лежу без сна, и желудок сжимается при мысли о том, как Гарри насмехается над моими строчками и выбрасывает послание в мусорную корзину, словно ненужную рекламную листовку, или как Энди с Элизабет смеются вместе, совершенно не веря в свою вину.

Воображение может сыграть с тобой злую шутку: когда ты лишаешься сна, то лишаешься очень многого...

День 71-й

Я наконец-то прочитала брошюры, данные доктором Маккензи. Пара была о том, как справляться с неизлечимой болезнью, и только одна рассказывала о самой болезни. Симптомы довольно пугающие и включают острые приступы лихорадки, боль в костях, рвоту, небольшие гематомы, кровоточащие десны, носовое кровотечение, учащенное сердцебиение – пожалуй, я избавлю вас от худшего.

Однако все это еще впереди. На данный момент я просто чувствую усталость, плацебо позитивного мышления пока побеждает.

В итоге я позвонила и отменила встречу с врачом. Наверно, безрассудно делать это на основании чего-то столь ненаучного, как позитивное мышление, но, признаться, мне невыносима мысль о том, чтобы снова сидеть в клинике и вдыхать этот ужасный больничный запах – с учетом того, что я знаю.

Я была совершенно откровенна. Сказала секретарше – на этот раз не Юнис, – что у меня все хорошо. И если доктор Маккензи не станет возражать, я бы хотела отложить свой визит до тех пор, пока сама не почувствую необходимость в нем.

Звонок Изабель определенно укрепил мой моральный дух. Но тут есть и обратная сторона: мои ожидания тоже возросли. И теперь я, признаться, больше, чем когда-либо, хочу получить весточку от Гарри. Возможно, я просто занимаюсь переписыванием прошлого в целях повышения самооценки, но мне всегда казалось, что у нас с Гарри может быть будущее. Что он все еще любит меня.

Мне часто приходило в голову, что, веди я себя по-другому, не так импульсивно, он бы до сих пор был со мной. Или что когда-нибудь мы снова окажемся вместе.

То, что я до сих пор не получила от него никаких вестей, – не очень хороший знак, но, опять же, он много путешествует. Я не пытаюсь его оправдывать. В основном Гарри работает за рубежом. И кроме того, он всегда был нетороплив с ответами мне.

– Разве это занимает много времени – написать «да», или «нет», или «я еду к тебе»? – спрашивала я.

– Я занят!

– Как и я. Но я все равно отвечаю тебе.

– А я отвечаю тебе, когда могу. Я не могу написать ровно в тот момент, когда ты ожидаешь. Но это не значит, что я не люблю тебя.

Вот так. Он всегда отмахивался от меня подобным образом. Но, серьезно, как много времени требуется, чтобы написать несколько слов на телефоне?

Однако и сейчас, хотя шансы невелики, я все еще жду от него ответа. А что касается Энди и Элизабет – кто знает? Я сказала то, что хотела сказать, и может, этого уже достаточно. И все же в душе меня разбирает любопытство – как мое письмо было воспринято.

Хотелось бы мне посмотреть на лицо Элизабет, когда она это читала!

Оливия придет сегодня позже, после совместных с Дэном занятий в спортзале.

Слава Богу, мне больше не нужно ходить в спортзал!

Это одна из тех вещей, от которых я избавлена.

А Оливия с Дэном – прекрасная пара. Она выглядит такой расслабленной рядом с ним.

Наконец-то я увидела ее настоящую! Думаю, что он ее «единственный», однако, если уж быть до конца честной, раньше я тоже думала, что Ричард – рекламный копирайтер – был «тем самым». И Оливия тоже так думала! Она провела с ним восемь лет, и я не сомневалась, что они в итоге поженятся. Оливия всегда была «традиционной» девушкой и всегда хотела сказку.

К сожалению, Ричард решил, что он не хочет покупаться на сказку – он желал лишь ее продавать, и на этом все закончилось.

Поэтому я очень надеюсь, что Дэн, наоборот, хочет.

Оливия сидит напротив меня в кресле. Ее ноги поджаты под зеленой плиссированной юбкой.

– Прекрасно выглядишь, – заявляет она. – И я это говорю не из вежливости. В тебе появилось какое-то сияние, блеск в глазах. Я чувствую, что-то изменилось!

– Мне позвонила Изабель.

Наверно, при этих словах она видит блеск в моих глазах.

– О, Дженнифер. Наконец-то. Что она сказала?

– Ну, ничего особенного. Она была печальна, конечно. Сказала, что знала: что-то не так, но не представляла, насколько не так. Я собираюсь к ней на обед в пятницу. Похоже, ей хочется поговорить. Я имею в виду, нормально поговорить.

– Хорошо, я рада за тебя! Позволь спросить... Кто-нибудь еще?

– Нет. Пока нет. И может, вообще нет.

– Но по крайней мере ты сделала это. В этом имелся смысл, верно?

– Верно. Продолжай напоминать мне об этом. – Я наклоняюсь вперед. – Слушай! Мне нужна твоя помощь кое в чем.

– Конечно, – с готовностью кивает Оливия. – Что ты задумала?

Я встаю с дивана и вдруг пошатываюсь, слегка потеряв равновесие. Оливия бледнеет.

– Я в порядке, Лив, правда. Просто покачнулась. Совершенно нет повода для беспокойства.

– Конечно.

Я включаю ноутбук.

– Я тут планирую свои похороны.

– Ох! – Она вздрагивает, словно попробовала какое-то отвратительное блюдо.

– Я не в унынии, просто готовлюсь, – продолжаю я. – Ты еще поблагодаришь меня за это. Смотри, я создала на рабочем столе файл под названием «Когда придет время». Я оставлю тебе напоминание и список всех моих паролей в этом ящике стола. Иди сюда и скажи, что ты думаешь.

Я снова сажусь на диван, прихватив с собой ноутбук, и Оливия устраивается рядом. Я кликаю по значку.

– Мне это уже нравится, – говорит она.

– Я понимаю, это нелегко слушать, но я подумала, что если расскажу тебе, как бы я хотела все устроить, это избавит тебя от беспокойства о том, чего я могла бы хотеть.

– Верно. Извини за негатив. Давай-ка посмотрим! – Оливия кладет голову мне на плечо.

– Я написала порядок службы со всеми моими любимыми гимнами и псалмами – фактически все, что смогла придумать.

– Правильно. Значит, церковная служба? Я думала, ты не веришь в Бога.

– Не знаю. Но мне нравятся его мелодии.

Она улыбается:

– Мне тоже. Если Он мужчина и про Него правильно говорить «Он».

– Он не особо хороший слушатель – определенно это «Он». Еще: мои любимые цветы – это лилии и фрезии, и, конечно, они должны быть белыми. И я бы хотела, чтобы ты произнесла речь.

Я кидаю на нее взгляд, чтобы проверить реакцию.

– Я польщена, – говорит Оливия.

– Я написала несколько подробностей, которые могут помочь. – Я показываю ей основные пункты списка.

– Думаешь, я недостаточно хорошо тебя знаю?

– Знаешь, конечно. Но кое о чем можешь и не знать. Разве ты никогда не была на поминальной службе, не слушала речь о дорогих усопших и не думала: «Черт, я даже не догадывалась об этом. Жаль, что я не знала их лучше»?

– Да. Но моя лучшая подруга – другой случай. – Она поджимает губы.

– Тоже верно. – Я указываю на экран: – Во-первых, говорила ли я, что в детстве, еще до знакомства с тобой, мы с Эмили нашли потерявшуюся собаку? Мы вспомнили, что видели плакат «Разыскивается», и несколько часов бродили по Хэмпстеду с собакой на поводке, пока не отыскали нужный адрес. Наши родители сходили с ума, не зная, где мы, но для той семьи мы стали героями.

– Это так мило!

– Во-вторых, известно ли тебе, что, когда мы были на медовом месяце на Крите, Энди сводил меня с ума, упрашивая прыгнуть с ним на тарзанке? Я не хотела его расстраивать и поэтому сделала это. Даже после того, как сам он струсил.

– Он струсил? Вот тряпка! Нет, ты никогда мне о таком не рассказывала.

Я вспоминаю тот день. Интересно, что до недавнего времени я вообще об этом не думала. Это напоминает мне о том, как много я сделала для него, и о том, что я могу быть смелой.

– Если честно, тогда я не рассказывала, чтобы защитить его доброе имя. Теперь же мне все равно.

– О, Дженнифер, – грустнеет Оливия. – Это все очень меня расстраивает.

– Знаю. Меня тоже. Но мы должны это сделать. Старайся думать об этом как о нормальном разговоре и забудь про контекст.

Она порывисто вздыхает:

– Хорошо, хорошо! Нормально. Все это совершенно нормально. Как будто я готовлю речь на твой день рождения.

– Отлично! Давай думать об этом как о вечеринке. Оптимизм и некоторая бесцеремонность не помешают. У меня есть сбережения, чтобы покрыть расходы. Правда, я рассчитывала, что это пойдет на центральное отопление или ремонт, но не важно. Это пригодится для моей вечеринки!

– Должна отдать тебе должное, подруга. Ты, кажется, уже все продумала!

И я правда думала почти обо всем. Мне нет необходимости делиться своими безумными фантазиями с Оливией, но я даже представляла сцены самих похорон. У меня имеется несколько вариантов. Один – с Гарри. На самом деле он присутствует во всех вариантах. Но именно в этом он плачет, говоря, что слишком поздно понял, какой замечательной я была и как он сожалеет, что отпустил меня. Говорит, что я останусь пятном на его совести. Что он никогда меня не забудет. И мне нравится эта версия.

В другом варианте рыдает уже Энди, приговаривая, что будет скучать по мне до конца своих дней. Элизабет стоит рядом с ним, хрупкая, как сосулька, и смотрит в сторону, плотно поджав губы куриной гузкой.

Это обидно, да? Факт, что в тот самый раз, когда мы будем безоговорочно находиться в центре всеобщего внимания, мы не сможем насладиться этим зрелищем.

– Ты уверена, что не против быть ответственной за приготовления?

Оливия поворачивается ко мне.

– Можешь на меня рассчитывать. Я не подведу. И спасибо за открытость. Твой пример вдохновляет.

Я закрываю ноутбук и кладу его на пол.

– Ладно, давай поговорим о чем-нибудь хорошем и безусловно нормальном. Как Дэн?

– Ну, это не настолько нормально, однако спасибо! Говорить об этом скучновато. Но у него все в порядке. Он передавал тебе привет.

– Как думаешь, ты выйдешь за него?

Она почему-то смущается, словно я спросила, не занимаются ли они анальным сексом.

– Что случилось?

– Ничего, – отвечает Оливия, но она всегда была для меня как открытая книга.

– Он сделал тебе предложение, верно?

Ее лицо удивленно вытягивается.

– В прошлые выходные.

– Почему же ты мне не сказала?

– Я оберегала тебя, – пытается объяснить Оливия. – Не хотела, чтобы ты расстраивалась, потому что мне очень больно от того, что... – Она запинаясь. Ей нет нужды уточнять. – Мы собираемся пожениться следующей весной. Мне очень, очень жаль...

По ее щекам текут крупные слезы. Я хватаю ее за руку и заверяю, что счастлива за нее и она вовсе не должна переживать. Но потом у меня тоже щиплет в глазах, хотя я искренне радуюсь за нее.

– Больше нет нужды притворяться? – всхлипывает Оливия. – Теперь можно плакать?

– Я разрешаю нам это, – откликаюсь я, и мы обе плачем. Просто отпускаем свои эмоции.

– Я хочу помочь тебе с выбором платья, – говорю я сквозь рыдания.

Она смотрит на меня:

– Ты уверена, что готова к этому?

– Абсолютно. Мне нужно заниматься чем-то более милым, чем организация своих похорон.

Я чувствую, как Оливия буквально буравит меня глазами. И этот взгляд тревожно знакомый. Я так же смотрела на родителей в самом конце, будто изо всех сил стараясь запечатлеть их образ на своей сетчатке.

Я отвожу глаза.

– Как ты хочешь выглядеть, когда пойдешь к алтарю? Думаю, тебе нужно все это – полная церковь народа, платье в стиле «безе», трехъярусный торт и прочее?

– Да! – с готовностью отвечает Оливия. – Я хочу пышное и суперстильное платье-безе!

Мы немного натужно смеемся.

– И главное, папа признался, что он ждал всю жизнь, чтобы организовать мне большую свадьбу. Он никогда не говорил об этом раньше, сказал, что не хотел давить. Не могу поверить, что для него это так важно! Ему нравится Дэн. И думаю, мама бы тоже полюбила Дэна.

Ее мама умерла, когда Оливии было двадцать с небольшим. Первой из наших мам.

Ее отец так и остался один. Не захотел ни с кем знакомиться. Так романтично... Я осознаю, что никто не испытывал чего-то подобного по отношению ко мне. То, что мои родители чувствовали друг к другу. Что Изабель, должно быть, ощущает к своему мужу, Мартину. Жаль, что удачливость в любви не передается по наследству.

Оливия тихо вздыхает, потом слегка дергает подбородком.

– Дженнифер. Я не могу придумать ничего более замечательного, чем выбрать платье вместе с тобой. Это прекрасное, щедрое предложение!

Когда Оливия уходит, ощущение оптимистичного волнения исчезает вместе с ней. И моя комната погружается в то, что я называю воскресной грустью – хотя сегодня только среда.

Темнота сейчас наступает рано, и зима приближается слишком быстро. Скоро придется переводить часы на зимнее время...

Мне не хочется спать, поэтому я просто валяюсь перед телевизором. Мои глаза следят за экраном, пока в голове крутятся мысли о свадьбе Оливии и о том, что из ее давних подруг только Анна-Мария будет присутствовать там, потому что я умру (странно произносить это даже мысленно), а Эмили отдалилась от нас много лет назад, да они никогда и не были особенно близки.

Я задумываюсь об Эмили. Счастлива ли она сейчас? Хотя с чего бы? Она просто не была запрограммирована на счастье. Эмили вышла замуж за любимого с детства Майкла примерно в то же время, когда я – за Энди. Мы виделись тогда, парами, довольно регулярно. И тогда она казалась счастливой. Даже устраивала девичники с Оливией, Анной-Марией и мной до тех пор, пока, без всякой видимой причины, не заболела ипохондрией. Да, болезни и смерть интересовали ее с самого детства, но потом все стало по-другому. Эмили начала выдумывать разные попури из недугов и в результате чувствовала себя больной чаще, чем здоровой. Она постоянно отменяла договоренности или просто не появлялась на наших встречах – что, конечно, подрывало ее репутацию и не прибавляло симпатий к ней. Оливия и Анна-Мария выдохлись довольно быстро, однако я, зная ее дольше всех, ощущала ответственность за ее ипохондрию. Я ведь подыгрывала ей, только поддерживала – и больше ничего. Я думала, что у нее это просто такой период и он пройдет. Но он не прошел.

Ее оправдания становились все более частыми и необычными, пока однажды я не решила, что потакать ее фантазиям дальше нелепо и самое доброе, что можно сделать, – сказать ей, чтобы она с ними завязывала. Как можно дипломатичнее я дала ей понять, что так продолжаться не должно. Годы мнимых болезней разрушали ее жизнь и дружбу. В тридцать с небольшим она стала затворницей – как это, наверно, «весело»! Еще сказала, что ей нужна помощь.

И всё, больше я об Эмили ничего не слышала. Я пыталась дозвониться до нее, но безуспешно. Я даже пару раз подходила к ее дому, однако дверь оставалась плотно закрытой.

Бесповоротность ее молчания шокировала и ранила меня.

Теперь же, зная, что умираю, я испытываю странное желание воссоединиться со своим прошлым, и Эмили, как ни удивительно, не выходит из моей головы. Особенно когда я планирую собственные похороны. В конце концов, именно Эмили придумала похоронную игру.

Она назвала это «Смертополией». В то время это казалось нормальной игрой, ничуть не хуже, чем «Врачи и медсестры», но теперь, оглядываясь назад, я думаю: как странно для детей обсуждать вопросы смерти и похорон. И все же мы относились к этому весьма беззаботно. В первый раз я играла в «Смертополию» в летнем лагере – месте, где Эмили тосковала по дому и ходила мрачной.

Нас отсылали туда каждое лето с тех пор, как нам исполнилось восемь, вместе с Изабель и Джоном – старшим братом Эмили.

Наши матери устроили так, что мы с Эмили поселились в одной комнате, и моя мать просила меня приглядеть за ней, потому что она была «ребенком с нервным характером». Мне почему-то показалось, это означает, что она часто трясется, хотя я не замечала ничего подобного. Тем не менее я отнеслась к своей роли серьезно.

Мы с Эмили делили двухъярусную кровать, и я заняла верхнюю койку, потому что Эмили сказала, что боится высоты. Однажды ночью, в наш первый раз в лагере, когда крепко спала, я внезапно ощутила легкое дыхание на щеке.

– Я не могу уснуть. А ты? – Лицо Эмили было совсем близко от моего.

– Я спала. – Я зевнула. – Но не важно. Поднимайся.

Я перекатилась на другой бок, освободив ей место, и Эмили свернулась калачиком рядом со мной.

– Может, сыграем в игру, которую я придумала?

– Если хочешь.

Я очень устала и хотела только одного – спать, но я ведь взяла обязательство присматривать за ней.

– Она называется «Смертополия».

– Звучит ужасно.

– Нет, она хорошая. Иногда по ночам я играю в нее с Джоном, когда не могу уснуть. – Она тоже зевнула. – Убери челку, Джен, мне нужно увидеть твои глаза. – В спальне была крошечная тьма, и мы различали друг друга только по белым пижамам. – Ну, – прошептала она, – ты должна рассказать, как бы хотела умереть.

– Я не хочу умирать!

– Не сейчас, – уточнила она снисходительно. – В будущем. Например, когда тебе стукнет сто лет.

– Я никогда об этом не думала.

– Тогда подумай!

Я принялась усиленно думать и вспомнила, что слышала от матери о Викторе Бисли, который неожиданно умер во сне.

Я прошептала:

– Мама говорит, что сердечный приступ – это лучший способ умереть, хотя для близких это худший способ. Мне грустно об этом думать, но я полагаю, что хотела бы умереть от сердечного приступа. Желательно в сто три. Потому что три – мое счастливое число. – И я умолкла, довольная ответом.

– Понятно.

– А ты? Как бы ты хотела умереть?

Ее веки дрогнули. Она протянула руку и коснулась моего лица своей мягкой ладонью.

– Я вернусь из отпуска в Африке, где меня укусит комар. Я ужасно заболею, но никто не поймет, что у меня малярия. И к тому времени, как ее диагностируют в больнице тропических болезней, я умру.

– Ух ты! Потрясающе. Ты и правда все продумала. Как тебе это вообще пришло в голову?

– Это случилось с маминной подругой. Все вокруг говорили об этом несколько месяцев.

– Ты не рассказывала.

– Я же не все тебе рассказываю. – Эмили вздохнула и потрепала меня по плечу. – Ну, не расстраивайся. Я рассказываю тебе почти все.

– Ладно. Спасибо.

– А какие гимны ты бы выбрала к похоронной службе? – продолжила она.

– Эм-м... – Я снова задумалась. Это был уже вопрос посерьезней. Я понятия не имела, но чувствовала, что должна что-нибудь придумать, чтобы не отставать. «Бессмертный, Невидимый»?¹⁷ – сказала я, ощущая недостаток вдохновения. – А ты?

– «О, благодать»¹⁸. И я хочу, чтобы мой брат Джон играл на гитаре, а его друг Майкл пел.

– Это звучит так мило. А Майкл такой красивый.

– Да. И у него классный голос.

– У тебя хорошо получается, Эм.

– А теперь скажи, что бы ты говорила в моей надгробной речи, – попросила Эмили. – Я хочу, чтобы ты произнесла надгробную речь.

– И ты тогда прочитай мою.

– Не получится, – убежденно ответила она и вздохнула: – Потому что я умру первой. – Эмили, наверно, понравилась моя надгробная речь, потому что, слушая приятные слова о себе, она плакала, а потом ее стало клонить в сон.

Когда я закончила, она горестно шмыгала носом в мою подушку. Потом ее слезы и всхлипывания утихли, и им на смену пришло ровное дыхание.

¹⁷ «*Immortal, Invisible, God Only Wise*» – христианский гимн со словами У. Ч. Смита, первоначально валлийский балладный мотив, который стал псалмом (под названием «*Palestrina*») в 1839 году под редакцией Джона Робертса (1807–1876).

¹⁸ «*Amazing Grace*» – христианский гимн, написанный английским поэтом и священнослужителем Джоном Ньютоном (1725–1807).

Как только я поняла, что она заснула, я спустилась вниз, на ее койку, и еще долго лежала там без сна, глядя снизу на свой матрас и думая об Эмили и о том, какая она умная.

Но в одном она ошиблась тогда, верно? Ведь именно я – та, кто умрет первой.

День 70-й

Следующим утром я получаю сообщение от Оливии:

«Думаю о твоих похоронах. Это будет прекрасно».

Я пишу в ответ:

«Думаю о свадьбе. Ты будешь прекрасной. Ты победила ;)»

Я долго лежу в постели и чувствую, что мне все труднее набираться сил, чтобы встать и пойти на работу.

На днях я извинялась перед Фрэнком за опоздание, и он посмотрел на меня как на сумасшедшую.

– Все зависит от тебя, – сказал он. – Только ты можешь решать, насколько трудоспособна. Успокойся!

Фрэнк – молодчага. Я обсуждала его с Пэгги, и она сказала, что, по ее ощущением, он сильно изменился. Что ж, хоть что-то хорошее вышло из моего затруднительного положения!

Я слышу, как почтальон возится с моим почтовым ящиком, и понимаю, что пора вставать. Я вылезая из постели и, пошатнувшись, пытаюсь отодвинуть занавески. Очередной серый несчастный день.

Я с трудом спускаюсь по ступенькам и, поморщившись от боли, наклоняюсь, чтобы взять почту и отложить на потом, решив просмотреть ее после возвращения с работы. А потом я замечаю одно письмо. Это настоящий шок. Почерк! Я сразу узнаю его.

Я вытаскиваю письмо из кучи. Оно от моего бывшего мужа Энди. Меня шатает из стороны в сторону, нервы натягиваются до предела. Я держу письмо в руках и дрожу. И осознаю, что пока еще не могу идти на работу.

Я завариваю себе имбирный чай, добавляю в него немного виски, гляжу на конверт и думаю о его содержимом, одновременно и нервничая, и ликуя.

Я сажусь на диван, ощущая бьющееся где-то в горле сердце, дую на чай, отпиваю глоток, откидываюсь на спинку, а затем медленно открываю конверт. И вытаскиваю само послание.

Там два (два!) листа из тонкой веленовой бумаги¹⁹ со стильно отпечатанным в верхней части первого адресом. С правильным переходом на вторую страницу. Чувствуется несомненное влияние Элизабет. Я торопливо просматриваю оба листа. Затем, зная, что время есть, начинаю читать:

«Моя дорогая Дженифер!

Не могу передать, как я был подавлен, получив твое письмо. Много дней я думал, как ответить. И решил, что письмо наверняка станет лучшим решением, хотя моим первым порывом было взять трубку. Однако мне не хотелось сказать что-нибудь не то, поэтому ответ занял у меня так много времени. Ну что ж, поехали. Прежде всего, мне очень жаль. Какое ужасное потрясение! Я не могу представить, что ты чувствуешь и через какие страдания проходишь. Кошмар. Надеюсь, у тебя есть близкий человек, который может сейчас о тебе позаботиться. Что же касается финала нашего брака, думаю, сейчас я могу позволить себе быть более откровенным. Видишь ли, я был молод и глуп, мы были женаты шесть лет, и, как я уже говорил, твоя печаль по поводу потери наших детей вызывала у меня чувства одиночества и изолированности. Дело в том, что я не мог понять глубину твоих страданий. Для меня это был не конец света, а для тебя было чем-то подобным, и я ощущал, что мы отдаляемся друг от друга. Я чувствовал, как ты от меня отгораживаешься. Собственно,

¹⁹ Веленовая (вельень, от фр. vélin – тонко выделанная кожа) бумага – высокосортная, хорошо проклеенная, плотная, без ярко выраженной структуры, преимущественно желтоватого цвета.

так ведь и происходило. Мы перестали заниматься сексом. А мужчины нуждаются в сексе, и я чувствовал себя еще более одиноким в его отсутствие. Так что, думаю, я начал оглядываться вокруг и замечать, что есть кто-то еще. Кто-то, кто поймет мое одиночество. Не думаю, что я был первым парнем, кто это сделал, и наверняка я не стал последним, что, однако же, не улучшает ситуацию, верно?

Просто мне показалось, ты хочешь, чтобы тебя оставили в покое, в твоём собственном мире. Прости, что повел себя как придурок. Я могу честно признаться, что у меня никогда не было намерения тебя оставить. Есть ли утешение в том, чтобы узнать это через столько лет? Может, и нет. Но я не хотел уходить. Все, чего я хотел, это просто подурочиться – хорошее слово, а? Я просто дурак. И я не осознавал, что ты чувствуешь по поводу моего ухода. Я даже думал, ты рада моему уходу. Если тебя это утешит, я ощущаю себя как в ловушке. Возможно, ты решишь, что я этого заслуживаю – находиться в браке без любви с женщиной, с которой изменял тебе. Дженнифер, я хотел бы перемотать пленку назад, но что сделано, то сделано. Мне очень жаль. Ничего из того, что я могу сказать, не поможет тебе поправиться, но будь уверена, я все еще к тебе неравнодушен. Твое письмо напомнило мне об этом. Кстати, я не знал, что Элизабет звонила тебе и сказала, что мы больше не хотим с тобой разговаривать. Это неправда. Я всегда готов поговорить с тобой. Когда-то ты была моим лучшим другом. Я скоро позвоню тебе, просто это нелегко. Понимаешь? Пожалуйста, знай, что я любил тебя и всегда буду любить. Выпускай клоунов

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.